

ГЛАВА 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НРАВСТВЕННЫХ НАЧАЛ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

§ 1. Понятие и структура нравственности. Значение элементов нравственности на стадии предварительного расследования

Объективные условия бытия определяют необходимость изучения этических аспектов поступков, явлений, отношений в реальной действительности, что находит свое проявление как в философской¹, так и в юридической учебной литературе².

Несмотря на столь разностороннее и глубокое освещение учеными вопросов нравственного порядка, некоторые аспекты по-прежнему являются дискуссионными. Так, ученые по-разному решают вопрос о том, являются ли понятия «нравственность» и «мораль» идентичными, или же каждое из них несет в себе специфическую смысловую нагрузку.

Существует мнение, согласно которому указанные понятия различаются. В соответствии с ним мораль рассматривается как совокупность норм, правил поведения особого рода, действующих в обществе (т.е. мораль характеризует формы требования определенного поведения), а нравственность выступает как характеристика содержания такого требования³.

Однако, на мой взгляд, следует согласиться с высказанным как в философской⁴, так и в правовой литературе⁵ мнением о единстве смыслового содержания рассматриваемых этических категорий. В

---

¹ См.: Гусейнов А.А. Этика / А.А. Гусейнов, Р.Г. Апресян. – М.: Гардарики, 1998; Букреев В.И. Этика права: от истоков этики и права к мировоззрению / В.И. Букреев, И.Н. Римская. – М.: Юрайт, 1998.

² См.: Алексеев С.С. Государство и право. – М.: Юрид. лит., 1994. – С.50-51.; Профессиональная этика сотрудников правоохранительных органов. – М.: Щит-М, 1998; Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / Отв. ред. П.А. Лупинская. – М.: Юрист, 2000. – С.68-72.; Якупов Р.Х. Уголовный процесс. – М.: Зерцало, 1999. – С.24-27.

³ См. подробнее: Лазутина Г.В. Профессиональная этика журналиста. – М.: Аспект Пресс, 2000. – С.46; Тихонравов Ю.В. Основы философии права. – М.: Вестник, 1997. – С.402-403.

⁴ См.: Дробницкий О.Г. Проблемы нравственности. – М.: Наука, 1977.

⁵ См.: Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. – М.: Норма, 2001. – С.91; Комиссаров В.И. Научные, нравственные и правовые основы следственной тактики. Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1977. – С.90; Матузов Н.И. Социалистическое право и коммунистическая мораль в их взаимодействии. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1969. – С.24.

современных философских словарях, как и в словарях русского языка мораль также рассматривается как синоним нравственности¹.

В пользу указанного соотношения морали и нравственности говорит и происхождение этих понятий: слово древнеримского происхождения «mores» изначально имело смысловую нагрузку, аналогичную славянскому определению нравственности².

С учетом изложенного, данные понятия будут использоваться в работе как имеющие одинаковое смысловое значение.

Избирая нравственность (мораль) предметом своего исследования, ученые, как правило, изучают отдельные стороны указанной этической категории. Анализ существующих теоретических разработок позволяет систематизировать их определенным образом.

Во-первых, предметом изучения выступает природа нравственности, которая познается через ее происхождение. Так, согласно натуралистическому его пониманию, мораль есть природное явление и врожденное качество человека. В соответствии с рационалистическим подходом к феномену нравственности ее рассматривают как изобретение человеческого разума. Религиозное понимание морали основывается на ее божественной природе и данности «свыше». И, наконец, сущность морали можно раскрыть через ее уникальность и несводимость к какому-либо явлению или объяснению (уникалистическое понимание)³.

Думается, что каждый из данных подходов раскрывает лишь отдельные стороны предмета этической науки. Поэтому все они в какой-то степени верны, но не абсолютны и не исчерпывающи.

Во-вторых, исследование нравственности осуществляется через описание ее структуры, т.к. невозможно дать полную и исчерпывающую характеристику сущности рассматриваемой категории в отрыве от решения вопроса об ее структуре. Указанный подход к изучению нравственности также характеризуется многообразием проявлений.

В процессуальной литературе получило распространение понимание нравственности как одной из форм общественного сознания⁴. На мой взгляд, такое понимание нравственности не в полной мере отражает все присущие ей специфические черты, т.к. приводит к отождествлению ее с

¹ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1999. – С.365.; Современный философский словарь русского языка. – Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург, Москва, Минск: ПАРАПРИНТ, 1998. – С.516-517.; Словарь русского языка. В 4 т. Т.2. – М.: Русский язык, Полиграфресурсы, 1999. – С.298, 513.; Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА М, 1998. – С.277.

² См. подробнее: Профессиональная этика .... – С.11.

³ См. подробнее: Мораль и этическая теория. Некоторые актуальные проблемы. – М.: Наука, 1974. – С.239.

⁴ См., напр.: Строгович М.С. Судебная этика, ее предмет и сущность // Советское государство и право. – 1971. – №12. – С.89.

нравственным сознанием, в то время как в структуре нравственности можно выделить и иные ее составляющие.

Согласно другой точке зрения нравственность шире формы общественного сознания и включает в себя в качестве структурных элементов не только нравственное сознание, но и определенный вид общественных отношений, а также поведение людей¹.

Расширяя бытийную сферу нравственности, В.Ф. Зыбковец упоминает наряду с поведением и отношением, как элементами структуры нравственности, еще один ее компонент – деятельность².

Ученые-правоведы, напротив, большее внимание уделяют описанию субъективной сферы нравственности, рассматривая ее не только как форму общественного сознания, но и как самосознание, а в область бытия в качестве составляющей структуры нравственности включают практику³.

И, наконец, еще один подход к пониманию нравственности через раскрытие ее структуры заключается в выделении нравственного сознания, нравственной деятельности и нравственных отношений как структурных элементов нравственности⁴.

Соглашаясь в целом с тем, что нравственность, как совершенно обоснованно отмечал В.Ф. Зыбковец, объемлет как сферу бытия, так и сферу сознания⁵, считаю необходимым более подробно остановиться на соотношении таких понятий, как «деятельность», «практика», «поведение», которые в различных комбинациях выделяются в качестве одного из элементов, образующих нравственность.

Анализ содержания указанных понятий позволяет утверждать, что выделение в качестве самостоятельных элементов нравственности деятельности и практики носит условный характер. Это находит свое отражение, прежде всего, в существующих словарях русского языка, а также в современных философских словарях, в которых, с одной стороны, дается этимологическое описание указанных понятий («практика – от греческого – деятельный»¹), а, с другой стороны, указывается на их тождественность (практика – вся совокупность деятельности людей...²).

¹ См.: Шишкин А.Ф. XX век и моральные ценности человечества. / А.Ф. Шишкин, К.А. Шварцман. – М.: Мысль, 1967. – С.20,21.

² См.: Зыбковец В.Ф. Происхождение нравственности. – М.: Политиздат, 1974. – С.9-23.

³ См.: Профессиональная этика .... – С. 30.

⁴ См.: Уголовный процесс / Под ред. В.П. Божьева. – М.: Спарк, 2000. – С.17; Москалькова Т.Н. Нравственные основы уголовного процесса (стадия предварительного расследования). Автореф. дис.... д-ра юрид. наук. – М., 1997. – С.15; Мораль и этическая теория.... – С.16.

⁵ См.: Зыбковец В.Ф. Указ. соч. – С.9-23.

¹ См., напр.: Современный философский словарь. ... – С.691.

² Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. ... – С.578.

Сравнивая смысловое содержание таких понятий, как «деятельность» и «поведение», необходимо согласиться с их выделением в качестве самостоятельных структурных элементов нравственности. Конечно, их разграничение в определенной мере носит условный характер, однако смешение содержания данных понятий следует признать неправомерным. Во-первых, рассматривая поведение как образ жизни, мы можем выделить в его структуре как действия, так и бездействия, в то время, как деятельность подразумевает активность субъекта, т.к. всегда направлена на преобразование окружающей действительности. Во-вторых, в основе поведения лица могут лежать нравственные убеждения, отличные от тех, которые детерминируют выбор определенного вида деятельности. В-третьих, в отличие от нравственной деятельности как элемента нравственности, не следует во всех случаях обуславливать определенное поведение лица достижением нравственной цели.

Несмотря на то, что деятельность, как и любое иное явление объективной реальности, может быть рассмотрена как структура, в литературе не нашел своего решения вопрос о том, какой элемент деятельности наделен нравственным содержанием. Однако данный вопрос имеет принципиальное значение для раскрытия нравственных начал уголовно-процессуальной деятельности при расследовании преступлений.

В соответствии с общим структурным представлением о системе человеческой деятельности выделяют два уровня – индивидуальный и общественный³. И только последний из них является процессом, взятым не только в отношении к нуждам и потребностям какого-либо конкретного субъекта, но и к интересам и потребностям иных субъектов человеческой деятельности. Указанное разграничение является достаточно условным, если рассматривать деятельность не только с точки зрения самого процесса, но учитывать при этом результаты, условия, а также способы осуществления деятельности, которые могут носить общественный характер.

Ученые-процессуалисты характеризуют деятельность, связанную с предварительным расследованием, как нравственную с позиции органов и их должностных лиц, выполняющих властные функции в уголовном процессе.

Придерживаясь указанного традиционного подхода, необходимо обратить внимание на разработанную процессуалистами классификацию участников уголовного судопроизводства, в соответствии с которой только обвиняемый (подозреваемый), подсудимый, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик имеют в деле самостоятельный правовой интерес и действуют в соответствии с ним и исходя из него. Иные

---

³ См. подробнее: Николов Л. Структуры человеческой деятельности. – М.: Прогресс, 1984. – С.21.

участники процесса (в том числе следователь, прокурор, дознаватель и др.) не могут осуществлять возложенные на них функции исходя из своих собственных потребностей, преследуя личные цели. Так, в соответствии с ч.1. ст.1 Федерального закона РФ от 17 ноября 1995 г. «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О прокуратуре Российской Федерации» (в редакции Федерального закона РФ от 23 декабря 1998 г. «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»)¹, органы и должностные лица прокуратуры выполняют установленные федеральными законами надзорные функции от имени Российской Федерации. Следует отметить, что УПК РСФСР (ч.3 ст.25) закреплял обязанность прокурора во всех стадиях уголовного процесса принимать меры к устранению допущенных нарушений закона.

УПК РФ (ч.1 ст.37) также возлагает на прокурора обязанность осуществлять от имени государства надзорные функции за процессуальной деятельностью органов расследования. Положения обязывающего характера регулируют также деятельность следователя и органа дознания (ч.1 ст.159, ч.4 ст.157, ст.160, ч.4 ст.164 УПК РФ).

Таким образом, следует признать, что, с позиции компетентных органов и их должностных лиц, только общественный уровень человеческой деятельности будет включен в структуру нравственности в качестве одного из ее элементов.

Включение понятий «поведение» и «деятельность» в структуру нравственности детерминирует необходимость раскрытия их основных характеристик.

В научной литературе нет однозначного решения вопроса о том, какое поведение следует включать в структуру нравственности. Н.Н. Крутов все имеющиеся взгляды на данную проблему классифицирует следующим образом:

1. В структуру нравственности должно включаться любое поведение, так как всякий поведенческий акт может оцениваться с помощью моральных категорий;
2. В структуру нравственности может быть включено только поведение, которое соответствует нравственным требованиям;
3. Учету подлежит поведение, определяемое нравственными (моральными) ценностями;

---

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 47. – Ст. 4472; Российская газета. – 1999. – 17 февр.

4. Нравственность следует ограничить сферой идеальных явлений, ценностных представлений и норм, не включая в нее поведение, практику, деятельность людей¹.

На мой взгляд, при включении в структуру нравственности всякого поведения, постановка вопроса об основных характеристиках нравственной деятельности (как совокупности поступков, руководимых моральными мотивами) и нравственного сознания (как субъективной стороны нравственности, которая побуждает к выбору поступков, признаваемых нравственными), будет некорректной. Если же нравственность ограничить сферой идеальных явлений, то отпадает вопрос о нравственных началах права, поскольку право есть регулятор реального поведения людей. Точно также не вполне правомерно учитывать только поведение, соответствующее нравственным требованиям или только моральным ценностям, так как в этих случаях отпадает такой важный критерий, как моральные ценности (в первом случае), или нравственные требования - во втором. Поэтому, на мой взгляд, необходимо учитывать оба критерия (ведь под моральными ценностями понимают такие свойства, качества людей, такие их отношения, представления и стремления, которые отвечают моральным требованиям людей, их духовным потребностям).

Третьим классическим элементом бытийной сферы нравственности являются нравственные отношения. Они представляют собой род социальных отношений, в основе которых лежит нравственное начало, т.е. начало, реализующееся в нравственном выборе (в выборе не по соображениям выгоды, а по велению совести, по критериям справедливости и добра).

Придание отношениям, в том числе и уголовно-процессуальным, нравственного характера обусловлено наличием объективного социального интереса отдельной личности, группы, общества и государства в целом.

Специфика уголовно-процессуальной деятельности состоит в том, что в ходе ее осуществления складываются отношения, которые могут быть классифицированы определенным образом. Учитывая, что в уголовно-процессуальных отношениях одной стороной всегда выступает государственный орган или его должностное лицо, можно выделить следующие классификационные группы.

Во-первых, это отношения между государственными органами, с одной стороны, и должностными лицами – с другой. Примером таких отношений является участие прокурора в суде (ч.4 ст. 37, ст.246 УПК РФ).

Во-вторых, это отношения между должностными лицами, которые наиболее ярко проявляются при реализации прокурором права давать

---

¹ См.: Крутов Н.Н. Мораль в действии (О закономерностях влияния морали на поведение личности). – М.: Политиздат, 1997. – С.10.

указания органам дознания и предварительного следствия в связи с возбуждением и расследованием уголовных дел (ч.2 ст.37 УПК РФ), при осуществлении прокурором иных полномочий, закрепленных в процессуальном законодательстве (ст.ст.221, 222, 226 УПК РФ), а также при обжаловании следователем или лицом, производящим дознание, указаний прокурора (ч.3 ст.38, ч.4 ст.41 УПК РФ). В рамках рассматриваемой группы отношений можно выделить также и те из них, которые возникают между органами дознания, с одной стороны, и следователем – с другой (п.4 ч.2 ст. 38 УПК РФ).

Таким образом, данную группу процессуальных отношений можно подразделить на две подгруппы:

- отношения, возникающие между государственными органами и (или) должностными лицами, деятельность которых направлена на реализацию задач уголовного процесса путем применения одинаковых средств и методов (например, отношения между органами дознания и следствия);

- отношения, возникающие между государственными органами и (или) должностными лицами, деятельность которых направлена на достижение общих задач путем применения специфических средств и методов, свойственных каждой из сторон (например, отношения между органами дознания или следователем либо судом, с одной стороны, и прокурором – с другой).

В-третьих, можно выделить отношения, возникающие между государственными органами или должностными лицами и гражданами. Например, отношения следователя или дознавателя с подозреваемым (ч.1 ст.91 УПК РФ), обвиняемым (ст. ст. 172, 173 УПК РФ), потерпевшим (ч.1-3 ст.42 УПК РФ), свидетелями (ст.56, ч.2 ст.79 УПК РФ), гражданским истцом, гражданским ответчиком (ч.2, 4 ст.44, ст. 54 УПК РФ). К указанной группе относятся также отношения участвующих в деле лиц с прокурором - при обжаловании действий органа дознания или следователя (ст.123, ст.124 УПК РФ), либо с судом - при реализации конституционного права лица на судебную защиту прав и законных интересов, нарушенных в ходе предварительного расследования (ч.1 ст. 46 Конституции РФ).

Следует отметить, что ученые уделяли достаточно пристальное внимание рассмотрению уголовно-процессуальных отношений. Однако практически не исследовался их нравственный характер, а также не были выделены причины и условия, при соблюдении которых правомерно говорить о нравственной природе указанных отношений.

На мой взгляд, отношения в уголовном процессе приобретают нравственную характеристику только при соблюдении ряда условий.

1. Такие отношения должны быть ориентированы на признание не только интересов общества и государства, но и ценности другой личности, ее интересов.

В. Сагатовский классифицировал возможные отношения между людьми, подразделив их на следующие группы:

- 1) объект – объектные отношения, находящиеся за пределами нравственности;
- 2) отношения с позиции эгоцентриста, когда все люди рассматриваются как средства достижения своих целей или как помеха в их достижении;
- 3) отношения, характерные для проявления групповой нравственности (я – субъект, ты – субъект, он – объект);
- 4) отношения, характерные для нравственности, признающей определенные жизненные ценности только за пределами своего окружения (я – субъект, ты – объект, он – субъект);
- 5) отношения рабства (я – объект, ты – субъект, он – субъект или я – объект, ты – объект, он – субъект либо я – объект, ты – субъект, он – объект);
- 6) субъект - субъектные отношения, заключающиеся в признании за другими людьми права на самостоятельность, независимость и свободу¹.

На мой взгляд, такая классификация не может быть в полной мере применена к уголовно-процессуальным правоотношениям. Так, не вызывает сомнений, что объект-объектные, субъект-объектные (равно, как и объект- субъектные отношения) не могут быть наделены нравственным содержанием и тем более не должны находить свое проявление в уголовно-процессуальной деятельности.

2. Некоторые положения нового УПК РФ часто не содержат строго очерченных рамок поведения лица в конкретной ситуации (ч.2 ст.161, ч.6 ст.164, ч.1 ст.194, ч.1 ст.195, ч.1 ст.197, ч.1 ст.202 УПК РФ). Поэтому компетентным органам и их должностным лицам следует исходить из приоритета тех прав и интересов, охрана которых является целью уголовного судопроизводства. Для этого участникам процесса, наделенным властными функциями, должна быть предоставлена определенная свобода и независимость, выражающаяся в возможности выбора той или иной линии поведения в пределах законодательно закреплённого спектра возможностей.

3. Компетентные органы и их должностные лица, являясь, с одной стороны, субъектами, наделенными властными функциями, с другой стороны, должны их реализовывать только в тех пределах, которые закреплены в действующем процессуальном законодательстве (ч.1 ст.10 УПК РФ – недопустимость ареста лица иначе как на основании судебного решения или с санкции прокурора; ст.166 УПК РФ – обязательность

¹ См. подробнее: Сагатовский В. Веса Фемиды или суд совести. – М.: Молодая гвардия, 1982. – С.21-24.

процессуального оформления следственных действий; ст.9, ч.4 ст.164 УПК РФ – недопустимость унижения чести и достоинства лиц, участвующих в производстве следственного действия, и окружающих, а также создания опасности для их жизни и здоровья и т.п.).

Иными словами, с моральной точки зрения достижение целей уголовно-процессуальной деятельности возможно и допустимо только нравственными средствами и методами.

4. В законодательном порядке должна быть закреплена ответственность субъекта за результаты и возможные последствия выбора конкретного способа действий, т.е. лицо должно быть готово ответить за свой моральный выбор. Это проявляется, например, в возможности привлечения должностных лиц к уголовной ответственности (ст. ст. 294, 299, 300, 301, 303, 306-310 УК РФ).

5. Односторонняя ответственность не придаст отношениям нравственный характер. Необходимо предусмотреть возможность наложения денежных взысканий и штрафов на участников процесса в случаях нарушения ими правил, установленных процессуальным законом. В соответствии с УПК РФ, наложение денежного взыскания относится к иным мерам процессуального принуждения и применяется судом на основаниях и в порядке, установленных ст.ст.117, 118 УПК РФ.

6. В уголовно-процессуальном законодательстве должна быть предусмотрена возможность восстановления нарушенных прав и интересов участников процесса. Именно на достижение данной цели направлены положения ст.53 Конституции РФ, ст.123 УПК РФ, а также нормы Главы 18 УПК РФ.

На основании вышеизложенного можно констатировать, что бытийная сфера нравственности состоит из таких структурных элементов, как **поведение, деятельность и отношение**.

Что касается субъективных компонентов нравственности, то, как уже было отмечено, ее составляющими являются сознание и выделяемое некоторыми учеными самосознание. Однако насколько правомерно такое расширение духовной сферы нравственности и будет ли включение в нее самосознания детерминировать ее изменения?

Т.Н. Москалькова рассматривает нравственное сознание как такую сторону, которая побуждает участников уголовно-процессуальной деятельности к выбору поступков, признаваемых в обществе нравственными¹. Однако, на мой взгляд, в данном случае акцент смещается в сторону исследования бытийной сферы нравственности.

Сознание, в первую очередь, выступает как способность субъекта к воспроизведению действительности в мышлении¹. Для исследования

¹ См.: Москалькова Т.Н. Указ. соч. – С.15.

¹ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. ... – С.744.

уголовно-процессуальных отношений немаловажное значение приобретает форма проявления нравственного сознания – это определенным образом ориентированные ценности, нормы, оценочные суждения, которые находят свое применение и на стадии предварительного расследования. Как правило, такие ценности закреплены в уголовно-процессуальном законодательстве в виде императивных норм, обязывающих должностных лиц поступать определенным образом либо воздержаться от совершения конкретных действий (ч.1 ст.7 УПК РФ – недопустимость применения федерального закона, противоречащего Кодексу, ч.1 ст.10 УПК РФ – недопустимость заключения лица под стражу без судебного решения, ст. 16 УПК РФ – обязанность дознавателя, следователя, прокурора и суда обеспечить подозреваемому и обвиняемому реализацию ими конституционного права на защиту, а также охрану их прав и др.).

Соглашаясь в целом с тем, что выделение самосознания носит достаточно условный характер, необходимо отметить следующее. Мораль (нравственность) неизбежно зарождается и функционирует там, где существует отношение индивида к обществу, коллективу, т.е. самосознание. В отличие от него сознание характеризует процессы, проистекающие от общества к личности. Учитывая указанную специфику самосознания, отнесение такой этической категории как долг к самосознанию, а не к сознанию, будет более правильным.

Чувство долга, как вид нравственного самосознания, имеет для уголовно-процессуальной деятельности особое значение. Долг является одновременно и моральным и правовым требованием и служит важнейшим регулятором уголовно-процессуальных отношений (не зря сферу морали с достаточным основанием именуют сферой должного²).

В долге, как ни в какой другой категории, силен обязательный побудительный момент. Он не только четко формулирует саму идею, но и придает ей повелительный характер.

Долг есть связующее звено между действующими в обществе моральными нормами и практической деятельностью людей. В долге непосредственно проявляется активная природа морали, которая, придавая четкую оформленность идее и целям, требует их достижения.

Все отношения, которые прямо выражают и закрепляют профессиональный долг, обладают и нравственным, и правовым авторитетом. Отступление от норм морали зачастую является одновременно и нарушением юридических норм. В требованиях юридически оформленного профессионального долга вместе с тем заключена моральная оценка и правовая норма. В сфере профессионального долга нет юридических требований, которые были бы

---

² См.: Профессиональная этика.... – С.48.

лишены моральной силы, так же как нет и нравственных норм, лишенных правовой активности.

Исходя из того, что уголовно-процессуальная деятельность рассматривается через призму нравственных характеристик поведения компетентных органов и их должностных лиц, чувство долга как форма нравственного самосознания не может быть применимо к лицу, в отношении которого осуществляется уголовное преследование. Нельзя признать морально оправданным возложение на него обязанности (долга) доказывать свою невиновность. Нравственное сознание в этой ситуации следует связывать с такими категориями, как совесть, раскаяние, самоосуждение.

В свою очередь, совесть – это осознание и чувствование моральной ответственности человека за свое поведение, за содеянное или предполагаемое действие перед окружающими людьми, обществом¹, а также способность человека осознавать и переживать свое несоответствие должному – неисполненности долга, критически оценивая свои поступки, мысли, желания².

Соглашаясь в целом с тем, что духовная сфера нравственности образуется такими ее компонентами, как нравственное сознание и нравственное самосознание, следует указать, что такой подход, являясь традиционным, не исчерпывает проблем исследования нравственности.

В настоящее время практически не изучен вопрос о роли и значении менталитета (ментальности) как в жизни общества в целом, так и в осуществлении уголовно-процессуальной деятельности. Более того, не решена проблема определения места менталитета в индивидуальном и общественном сознании.

Анализ специальных исследований в указанной сфере позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, понятие менталитета является неоднозначным, на что обращают внимание философы³.

В современных словарях менталитет определяется как «совокупность и специфическая форма организации, своеобразный склад различных человеческих психических свойств и качеств, особенностей их проявлений»⁴. На мой взгляд, менталитет следует рассматривать как совокупность установок и предрасположенностей субъекта чувствовать, мыслить, действовать и воспринимать мир определенным образом.

¹ См.: Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. ... – С.741.

² См.: Гусейнов А.А. Указ. соч./ А.А. Гусейнов, Р.Г. Апресян. – С.261.

³ См., напр.: Российская ментальность: Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. – 1994. – №1. – С.30.

⁴ Социологический энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА М-НОРМА, 1998. – С.175.

Во-вторых, при изучении менталитета специалисты, не рассматривая природу предмета своего исследования, отождествляют понятие менталитета с национальным логосом (Г.Д. Гачев¹), с соответствующим уровнем сознания (В.П. Визгин²), с мировосприятием, умонастроением (С.И. Ожегов³), с национальным характером (К. Касьянова⁴), с совокупностью стереотипов и ценностей (Ю.В. Латов⁵).

В-третьих, познание сущности ментальности осуществляется через изучение отдельных сторон указанной категории, например, через установление его соотношения с государственной или национальной идентичностью⁶.

В-четвертых, влияние менталитета на культуру, социальные структуры и всю среду жизнедеятельности человека невозможно переоценить. Однако следует указать, что в таком влиянии крайне затруднительно выделить причинно-следственные связи, так как оно носит взаимообусловленный характер.

Российская ментальность оказывает определенное влияние на восприятие гражданами и обществом правоохранительных органов в стране, на отношение людей к их деятельности и ее результатам.

Понимание природы уголовно-процессуальной деятельности как деятельности, направленной на искоренение преступлений (ст.2 УПК РСФСР), приводило к тому, что указанная функция правоохранительных органов признавалась основной и задавала единые структурные и содержательные параметры процессуальной деятельности. Иные функции воспринимались зачастую в качестве второстепенных и менее значимых, что находило свое выражение и в соответствующих практических формах: возможность применения мер пресечения к лицу до предъявления обвинения (ст. 90 УПК РСФСР), проведения обыска в ночное время в случаях, не терпящих отлагательства (ч.1. ст. 170 УПК РСФСР) или без санкционирования (ч.3 ст. 168 УПК РСФСР) и т.п. Несмотря на изменение

¹ См. подробнее: Российская ментальность ...// Вопросы философии. – 1994. – №1. – С.25.

² См. подробнее: Современная западная философия. ... – С.249.

³ См. подробнее: Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. ... – С.350.

⁴ См. подробнее: Касьянова К. Что такое национальный характер // Родина. – 1994. – №11. – С.10-15.

⁵ См. подробнее: Латов Ю.В. Российская экономическая этика и дух криминального капитализма // Преступность и культура. – М.: Криминолог. ассоциация, 1999. – С. 30-36.

⁶ См. подробнее: Аграфонов М.Ю. Духовность сотрудников ОВД в современной России // Силовые структуры как социокультурное явление: история и современность. Матер. междунар. науч.-практ. конф. – Иркутск: Восточно-Сибирский ин-т МВД РФ, 2001. – С.6; Хабибулин А.Г. Государственная идентичность как элемент правового статуса личности / А.Г. Хабибулин, Р.А. Рахимов // Государство и право. – 2000. – №5. – С.9.

понимания роли и назначения уголовного процесса, заключающегося согласно ст.6 УПК РФ в защите прав и законных интересов юридических и физических лиц, положения аналогичного содержания по-прежнему находят свое законодательное закрепление в нормах уголовно-процессуального права (ч.3 ст.164, п.2,3 ч.1 ст.46, ч.5 ст.65 УПК РФ).

Как совершенно обоснованно отмечают некоторые ученые, такой взгляд на проблему приводит к гипертрофии силового начала в деятельности органов расследования¹. Как результат - специфическое российское ментальное восприятие понятия «закон», которое отграничивается от понятия «мораль». Иной подход характерен, например, для американцев, в общественном сознании которых понятия «закон», «мораль», «справедливость» слиты воедино, право – есть высшая справедливость². Поэтому только для российского менталитета характерно признание допустимым нарушение закона в случае его противоречия нормам нравственности³.

Специалисты предлагают различные пути решения поставленной проблемы. Причем, зачастую силовое начало находит свое проявление не только в деятельности правоохранительных органов, но и в средствах изменения российского менталитета в целях формирования уважительного отношения к нормам нравственности и обеспечения их беспрекословного соблюдения⁴. Однако в сфере формирования нравственного сознания, изменения менталитета государство должно выступать «не в качестве хирурга, а как мудрый и дальновидный воспитатель - наставник»⁵.

Таким образом, изменение менталитета, а, следовательно, и восприятия органов предварительного расследования, а также задач и целей их деятельности должно осуществляться путем совершенствования процессуального законодательства, в частности, с помощью законодательного закрепления гарантий обеспечения охраняемых законом ценностей.

Учитывая взаимное влияние менталитета, с одной стороны, и культуры, среды жизнедеятельности человека и функционирования общественных структур, с другой стороны, необходимо осуществить

¹ См.: Артемов В.М. Социо-культурная ориентация правоохранительных органов // Социс. – 2000. – №1. – С.52.

² См.: Ветрова Г.Н. Закон и нравственность в уголовном судопроизводстве // Вестник Моск. ун-та. Серия11. Право. – 1996. – №1. – С.51; Николаева О.П. Исследование этнопсихологических различий морально-правовых суждений // Психологический журнал. Т.16. – 1995. – №4. – С.82; Пастухов В. Что людям не нравится в российском правосудии // Российская юстиция. – 1998. – №8. – С.22.

³ См. подробнее: Николаева О.П. Указ. статья.– С.83.

⁴ См. подробнее: Селезнев М. Правовые аспекты генетической гигиены // Законность. – 1999. – №4. – С.39–43 .

⁵ Васин А. Права человека и призрак евгеники // Законность. – 1999. – №10. – С.33.

переориентацию на социально-культурные аспекты деятельности органов предварительного расследования. При этом усилия должны быть направлены не только на криминальную среду и борьбу с ее проявлениями, но и на социальные группы и общности, о чем речь пойдет ниже.

§2. Соотношение норм уголовно-процессуального права и норм нравственности

В свое время великий русский юрист А.Ф. Кони, обосновывая необходимость преподавания в высших учебных заведениях судебной этики, предполагал перенос основного центра тяжести учения о судопроизводстве «...с хода процесса на этическую ... деятельность... во всех ее проявлениях»¹. Конкретизируя данный тезис, следует отметить, что нравственным может быть способ, а не результат уголовно-процессуальной деятельности, нравственный характер которого обусловлен способом осуществления указанного вида деятельности.

Раскрывая проблему нравственных начал уголовного судопроизводства, необходимо в первую очередь проанализировать положения действующего уголовно-процессуального законодательства, а не саму уголовно-процессуальную деятельность, потому что «честный гражданин еще может не подпасть под действие дурных...законов, но он лишен средств избежать дурного отправления правосудия, при котором самый обдуманный и справедливый... закон превращается в ничто»². То же самое можно сказать и о любой стадии уголовного судопроизводства, когда положения уголовно-процессуального законодательства, отвечающие нравственным требованиям, не всегда исполняются либо исполнению подлежат уголовно-процессуальные нормы, лишенные нравственного содержания.

Вопрос о соотношении права и нравственности относится к одному из основных вопросов этики. Исходя из него, возможно раскрытие нравственных начал уголовно-процессуального права.

Попытки решения указанной проблемы были предприняты еще в античный период развития истории, что нашло свое проявление во многих трудах философов древности (Сократа, Платона, Аристотеля), которые, разрабатывая правовую идеологию, пытались связать этику с законодательством. Например, римскими юристами был сформулирован

---

¹ Кони А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе (Общие черты судебной этики) // Собр. соч.: В 8 т. Т.4. – М.: Юрид. лит., 1967. – С. 34.

² Там же. – С.35.

постулат: «Право рекомендует то, что одобрено обычаем»¹, то есть, продиктовано нравственностью.

Однако и в настоящее время проблема взаимодействия правовых и моральных норм носит актуальный характер.

Анализ позиций, сформулированных в специальной литературе по вопросу о соотношении права и нравственности, позволяет подразделить их на две классификационные группы.

Первая позиция исходит из рассмотрения права и морали как несводимых друг к другу явлений².

Вторая – при исследовании таких социальных регуляторов общественных отношений, как правовые и нравственные нормы, – устанавливает определенное их соотношение. Вместе с тем, среди сторонников второй позиции имеются различные суждения относительно характера этого соотношения. Так, одни авторы рассматривают право и нравственность с точки зрения их единства, что наиболее характерно для советского периода развития общества³. Другие – при изучении правовых и моральных норм исследуют как общие, так и специфические черты права и нравственности⁴. Третьи ученые все проявления соотношения права и нравственности сводят к следующим: их единство и общность, различие, а также взаимодействие (взаимообогащение)⁵. Четвертые – анализируют соотношение норм права и моральных норм с точки зрения их единства, различия, взаимодействия и противодействия⁶.

Обобщая исследования специалистов в сфере установления соотношения правовых и моральных норм, необходимо выделить ряд аспектов.

Так, право и мораль, как формы общественного сознания и общественных отношений, характеризуются общностью выполняемых социальных функций. Они являются важнейшими средствами регулирования поведения людей в обществе. Кроме того, право и мораль

¹ Цит. по: Афоризмы о юриспруденции / Авт.-сост. А.Б. Ваян. – М.: Узорочье, 1999. – С.213.

² См., напр.: Куницын А.П. Энциклопедия права // Антология мировой правовой мысли: В 5 т. Т.IV: Россия XI – XIX в.в. – М.: Мысль, 1999. – С.455.

³ См., напр.: Алексеев А.И. Единство правовых и моральных норм в социалистическом обществе. – М.: Юрид. лит., 1968. – С.7-21.

⁴ См, напр.: Кавелин К.Д. Задачи этики: Учение о нравственности при современных условиях знания. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1887. – С.11-14; Карпец И.И. Уголовное право и этика. – М.: Юрид. лит., 1985. – С.35; Лукашева Е.А. Право, мораль, личность. – М.: Наука, 1986. – С.67-74, 110-120; Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. – М.: Тов-во А.И. Мамонтова, 1917. – С.36-37.

⁵ См., напр.: Профессиональная этика .... – С.66.

⁶ См., напр.: Право и нравственность / Под ред. В.И. Нижечек. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1973. – С.31-54.

представляют развернутые системы правил поведения, охватывающие практически всю совокупность общественных отношений, выражающих волю тех или иных социальных групп, слоев и общества в целом, а также, в определенной мере, некоторые общечеловеческие представления о справедливом и должном. Более того, право и мораль как совокупность строго определенных, относительно устойчивых норм поведения, зафиксированы в общественном сознании. И правовые, и нравственные нормы имеют всеобщий характер, распространяясь (по крайней мере, формально) на всех членов общества. И право и мораль развиваются на едином фундаменте общечеловеческих ценностей, их требования объединяет оценочно повелительный характер. Наконец, сферы правовых и моральных отношений в определенной мере совпадают.

Конечно, указанное деление на правовую и моральную системы является весьма условным, так как правовая норма, правовое сознание, суждение, ценностный ориентир в различных социально-экономических формациях с трудом поддаются разграничению. Кроме того, правовые нормы могут формироваться задолго до их законодательного закрепления, а механизм их регулирования близок к регулирующей роли нравственного сознания.

У права и морали одни и те же задачи, одна и та же цель: способствовать формированию отношений между людьми на базе общечеловеческих, нравственных ценностей. Более того, мораль в сфере уголовно-процессуальных отношений выполняет роль дополнительной гарантии точного, четкого и неуклонного выполнения правовых предписаний¹.

Несомненно, между правовыми и этическими нормами существует тесная взаимосвязь, и противопоставлять их было бы, по меньшей мере, неверно, но, в то же время, не следует смешивать юридические и этические понятия.

Разграничение норм права (в том числе и уголовно-процессуального) и норм нравственности осуществляется по следующим основаниям.

Во-первых, в сфере применения правовых норм юридическое значение имеют действия, совершаемые людьми, а также их последствия без учета специфики, свойственной отдельным случаям, обладающим определенными родовыми принадлежностями. Мораль же в каждом отдельном случае имеет дело именно с конкретным человеком, с его интегрирующими личностными свойствами. С позиций морали люди по личностным качествам, а также по совершаемым поступкам сравниваются в предельных своих свойствах, содержательно, по максимальным меркам, чего нельзя сказать о правовых предписаниях. Так, уголовно-

---

¹ См.: Уголовно-процессуальное право Российской Федерации .... – С.71.

процессуальный закон зачастую не может закрепить требований, предъявляемых к поведению следователя и приложимых к любой возникающей в ходе расследования ситуации. Однако УПК РФ содержит правила, наполненные нравственным содержанием более общего характера. Например, недопустимость при производстве следственных действий унижения чести и достоинства участвующих в них лиц (ч.4 ст. 164 УПК РФ), соблюдение неприкосновенности частной жизни граждан, их жилища (ст. 12, 13 УПК РФ), обязанность разъяснения и обеспечения возможности осуществления прав участвующими в деле лицами (ч.1 ст.11 УПК РФ).

Во-вторых, право формирует социально-целесообразные координаты жизнедеятельности различных субъектов, исходит из соображений реальной достижимости поставленных целей средствами нормативной регуляции общественного порядка. Эта оптимальность определена, с одной стороны, пониманием социальной необходимости конкретной системы правоотношений, а, с другой стороны, реальными возможностями обеспечить полнокровную жизнь этим правоотношениям. В противоположность праву, мораль задает идеальные масштабы жизни и деятельности, ориентирует на совершенные воплощения норм, ценностей, целей. Образно говоря, «мораль спускается с небес, а право отталкивается от земли».

В-третьих, право исходит из соображений о типичном, стандартном явлении в действительной социальной жизни. Этот тип ситуаций порожден не внутренней жизнью людей, а их внешними отношениями между собой, что требует точного определения границ деятельности каждого субъекта. Мораль, апеллируя к человеку в целом, напротив, немыслима без целостного, интегрирующего осмысления каждого конкретного социального факта, поступка. Для морали смысл конкретной ситуации, выбора, решения - в их неповторимости, уникальности. Указанное различие уголовно-процессуального права и требований морали находит свое проявление, например, в общих сроках предварительного расследования, установленных в соответствии с принципами разумности и целесообразности. Однако в целях включения в орбиту правового регулирования как можно большего количества возникающих ситуаций, в законе закреплено право полномочных должностных лиц в исключительных случаях продлевать сроки расследования (ст.162 УПК РФ).

В-четвертых, мораль, в отличие от права, носит ненасильственный характер и исключает прямое принуждение, исходит из добровольности, внутренней побужденности поведения людей, предоставляет им возможность выбора. Всякое принуждение (и физическое, и психологическое) здесь невозможно. Уголовно-процессуальный закон,

напротив, допускает возможность применения принуждения в виде привода лиц, задержания и т.д. в случаях, когда не действуют внутренние регуляторы поведения людей.

В-пятых, право и мораль отличаются друг от друга по способу образования соответствующих норм. Так, нормы права устанавливаются властной силой государства и потом официально закрепляются в виде нормативных актов, которые в последующем приобретают общеобязательное значение. Нравственные нормы, напротив, исходят непосредственно от общества, их формирование осуществляется стихийно путем приобретения и осмысления коллективного социального опыта.

Кроме того, различие между правом и моралью касается способа, каким они обеспечивают предписание своих норм, как они регулируют поведение людей. Правовые нормы строго зафиксированы в законе, и их требования имеют внешний для индивида характер, обеспечиваются не только силой убеждения, но, при необходимости, принудительными мерами. Моральная регламентация опирается не на закон, указ, постановление и т.д., а на силу общественного мнения, власть обычаев или на личную убежденность индивида. Моральные санкции осуществляются мерами духовного воздействия, причем не отдельными людьми, наделенными какими-либо особыми полномочиями, а всем коллективом, социальной группой, обществом в целом.

В-шестых, право и мораль отличаются друг от друга сферами приложения. Правовые нормы направлены главным образом на регулирование наиболее существенных отношений общественной жизни, требующих государственного воздействия (отношения собственности, политические отношения и др.). Нравственность же пронизывает все стороны (сферы) взаимоотношений между людьми. Все правовые отношения подлежат нравственной оценке. Но не все отношения, регулируемые нормами морали, находят закрепление в праве. Как бы ни был детализирован закон, он всегда оставляет простор для действий и требований морали. Объектом регулирования нормами нравственности могут служить любые отношения, не подлежащие правовому регулированию, например, отношения долга. Многие категории морали (например, стыд, совесть, раскаяние, долг, честь) также остаются вне сферы правового регулирования. Право регулирует только те общественные отношения, которые нуждаются в защите государства. Таким образом, чисто нравственное требование по существу есть требование неограниченное. Оно предполагает нравственное совершенство или стремление к нему. Закон же по существу ограничен. Вместо совершенствования он требует лишь минимальной степени нравственности. Иначе говоря, право есть определенный минимум нравственности.

И, наконец, в-седьмых, необходимо отметить, что право и нравственность имеют различные ориентации в сфере свободы. Само понятие свободы - общее и для права и для морали. Но обязанности подразделяются на обязанности внутренней и внешней свободы. Из них лишь последние являются правовыми. Все внешние обязанности вытекают из законодательства, а этическая область делает обязательными и внутренние поступки.

Таким образом, право способно влиять лишь на те действия индивида, которые поддаются внешнему контролю, а нравственность обращена и к внутреннему миру человека.

Помимо указанных выше общих и отличительных черт уголовно-процессуального права и норм нравственности необходимо упомянуть и о третьем аспекте соотношения правовых и моральных предписаний – об их взаимодействии, которое находит свое проявление в следующих положениях действующего процессуального законодательства.

1. Уголовно-процессуальное право можно рассматривать как одно из средств, путем которого государство стремится обеспечивать безопасность общества в целом и каждого его члена от преступных посягательств, а также осуществлять задачи восстановления справедливости, нарушенной преступным посягательством.

2. В случае ошибочного привлечения к уголовной ответственности невиновного предполагается восстановление нарушенных прав и пострадавших интересов такого лица путем осуществления в отношении него реабилитационных мер; восстановление нарушенной справедливости (Глава 18 «Реабилитация» УПК РФ).

3. Уголовно-процессуальный закон исходит из презумпции добровольности поведения лиц по оказанию содействия в достижении нравственных и правовых целей уголовной юстиции - поддержанию состояния справедливости в обществе (дача свидетельских показаний, представление доказательств, присутствие при производстве следственных действий в качестве понятого и т.п.). Если лицо добровольно не выполняет обязанностей, возложенных на него действующим законом, государство вправе применить к нему соответствующие принудительные меры.

4. УПК РСФСР характеризовался диспропорцией процессуального положения обвиняемого (подозреваемого), с одной стороны, и потерпевшего – с другой. Так, в соответствии с п.2 ч.2 ст.120 УПК РСФСР, при проведении дознания по делам, по которым производство предварительного следствия не обязательно, потерпевший не имел права знакомиться с материалами дела; процессуальное законодательство не содержало сроков, в течение которых лицо должно быть признано потерпевшим по уголовному делу, что приводило на практике к ущемлению прав лиц, пострадавших в результате совершенного

преступления, но не обладающих соответствующим процессуальным статусом. К сожалению, с принятием нового УПК РФ данные недостатки не были устранены. В частности, ст.42 УПК РФ по-прежнему позволяет органам уголовного преследования выносить постановление о признании лица потерпевшим на окончательных этапах расследования, так как не содержит указания на сроки, в течение которых лицо должно приобрести процессуальный статус. В отношении указанного выше отличия дознания от предварительного следствия законодатель внес определенные изменения. Тем не менее, они не разрешают проблему должным образом, так как используемая в ч.3 ст.225 УПК РФ формулировка не является императивной нормой и, следовательно, допускает несколько правомерных вариантов поведения, не все из которых будут соответствовать нравственным требованиям.

В специальной литературе высказано мнение о наличии одностороннего влияния нравственных императивов на содержание и развитие норм права: «...степень развития права находится в прямой зависимости от морального (нравственного) развития общества»¹. Однако, на мой взгляд, такое влияние носит взаимный характер, что обуславливает невозможность выделения причинно-следственных связей в происходящих изменениях как правовой, так и нравственной систем.

С учетом рассмотренных аспектов соотношения правовых и моральных предписаний, можно сформулировать выводы.

Во-первых, связь уголовно-процессуальных и моральных норм характеризуется многообразием проявлений: их единством и общностью, различием, а также взаимодействием и противодействием.

Во-вторых, общность уголовно-процессуальных и нравственных норм обуславливает включение многих требований морали в содержание процессуальных норм, регулирующих область предварительного расследования, что придает возникающим отношениям не только уголовно-процессуальный, но и нравственный характер.

Говоря о нравственном характере уголовно-процессуального права, следует иметь в виду, что такое утверждение допустимо применительно к определенным социально-политическим и экономическим условиям. Безусловно, соотношение норм нравственности и уголовно-процессуальных норм в ходе исторического развития общества и государства постоянно меняется в ту или иную сторону. Вместе с тем, в рамках единых условий следует учитывать и влияние на содержание нравственных норм собственного социально-культурного ареала. Более того, само возникновение и первоначальное соотношение правовых и

---

¹ Гусев А.Н. Органы внутренних дел на пути к правовому государству // Сб. тр. адъюнктов и соискателей Вып. 1. – СПб.: С.-Пб. юрид. ин-т МВД России, 1993. – С.24.

нравственных норм обусловлено соответствующим уровнем экономического развития общества².

В-третьих, если уголовно-процессуальные нормы вступают в противоречие с нормами нравственности, то они воспринимаются как несправедливые. На это обращает внимание Конституционный Суд Российской Федерации, признавая те или иные положения действующего УПК РСФСР не соответствующими Конституции Российской Федерации. Так, например, постановлением Конституционного Суда РФ от 23 марта 1999 г.¹ признаны не соответствующими Конституции РФ положения ч.1 ст. 218 и ст.220 УПК РСФСР в той мере, в которой исключают на стадии предварительного расследования возможность судебного обжалования действий и решений органа дознания, следователя или прокурора заинтересованными лицами, конституционные права которых нарушены. В постановлении Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г.² признаны не соответствующими Конституции РФ положения ч.1 ст.47 УПК РСФСР, в той мере, в какой они предоставляют лицу, подозреваемому в совершении преступления, право пользоваться помощью защитника лишь с момента предъявления ему протокола задержания либо постановления о применении к нему меры пресечения в виде заключения под стражу до предъявления обвинения. Данные положения, сформулированные в постановлении Конституционного Суда РФ, получили развитие в Федеральном законе Российской Федерации от 20 марта 2001 г. «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод»³. С момента вступления данного нормативного акта в законную силу ст.47 УПК РСФСР подлежала применению в новой редакции, конкретизирующей момент возникновения права на защиту.

В ходе принятия нового УПК РФ законодатель учел имеющийся правоприменительный опыт и конкретизировал момент, с которого защитник может быть допущен к участию в уголовном деле (ч.3 ст.49).

Соглашаясь в целом с вышеизложенным, необходимо обратить внимание на ряд аспектов, которые являются до сих пор неисследованными, но, тем не менее, играют существенную роль в определении соотношения уголовно-процессуальных и нравственных норм.

² Думанов Х.М. Мононорматика и начальное право / Х.М. Думанов, А.И. Першиц // Государство и право. – 2000. – №1. – С.100.

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – №14. – Ст.1749.

² Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 27. – Ст.2882.

³ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – №13. – Ст. 1140.

По моему мнению, анализируя право и нравственность, необходимо установить те их элементы, которые подлежат сравнению. От их определения в существенной степени зависит характеристика различных проявлений соотношения правовой и моральной систем.

В качестве одного из отличий права и нравственности ученые называют способы обеспечения исполнения правовых и моральных предписаний (мораль, в отличие от права опирается исключительно на внутренние императивы). В этой связи В.С. Соловьев писал: «Требование нравственного совершенства, как внутреннего состояния, предполагает свободное или добровольное исполнение, всякое принуждение, не только физическое, но и психологическое ... и нежелательно и невозможно; напротив, внешнее осуществление известного закономерного порядка допускает прямое или косвенное принуждение, и, поскольку... целью признается именно реализация, внешнее осуществление известного блага...., постольку принудительный характер закона становится необходимостью»¹.

Таким образом, следует признать, что право, включая и уголовно-процессуальное, не является всецело нравственным. Указанное положение подтверждается и результатами проведенного анкетирования работников правоохранительных органов. Так, лишь 16% опрошенных считают, что положения процессуального закона в полной мере соответствуют требованиям нравственности, 12,5% утверждают, что не соответствуют, и, наконец, 56% лиц указывают на неполное соответствие. При обратном допущении следовало бы признать отсутствие необходимости в праве как в регуляторе общественных отношений, так как гарантией исполнения любых обязательств выступали бы внутренние нравственные императивы самих субъектов общественных отношений.

На мой взгляд, право и нравственность соотносятся следующим образом:

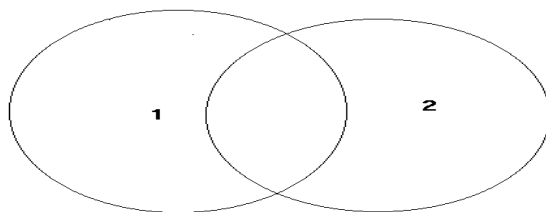

Схема 1

¹ Цит. по: Соловьев В.С. Оправдание добра: Нравственная философия. – М.: Республика, 1996. – С.329.

- 1 – правовые нормы;
2 – нравственные нормы

Установление указанного соотношения правовых и моральных норм детерминировано наличием отношений, не регулируемых правовыми средствами. Поэтому в системе моральных норм, на мой взгляд, следует выделять две самостоятельные группы:

- 1) моральные нормы, которые являются составной частью действующей правовой системы;
- 2) моральные нормы, регулирующие ту группу общественных отношений, которые безразличны с точки зрения права и потому не урегулированы им.

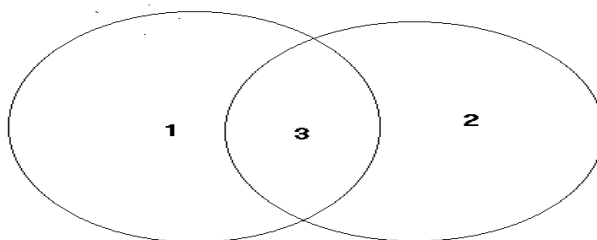

Схема 2

- 1) правовые нормы;
- 2) нравственные нормы, регулирующие отношения, не обеспечиваемые государственным принуждением;
- 3) нравственные нормы, являющиеся органичной частью действующей правовой системы.

Наличие нравственных требований, исполнение которых гарантировано государственным принуждением, отмечено в процессуальной литературе¹, однако значение указанной классификации нравственных норм не нашло своего отражения.

Так, общностью и единством правовых и моральных норм характеризуются все три указанных на схеме 2 компонента, за исключением такого свойства, как частичное совпадение сферы реализации правовых и моральных предписаний. Данная особенность характерна только для тех моральных норм, которые являются составной частью правовой системы.

Анализируя отмеченные различия права и нравственности, необходимо констатировать, что они распространяются только на сравниваемые с

¹ См., например: Якупов Р.Х. Указ. соч. – С.25.

правом моральные нормы, которые регулируют общественные отношения, обеспечиваемые исключительно внутренними нравственными императивами.

Рассматривая иные проявления соотношения правовых и нравственных предписаний, следует выделить две самостоятельные группы норм, взаимодействующих между собой:

- правовые нормы и нормы нравственности, включенные в правовую систему;
- правовые нормы и нормы нравственности, не включенные в действующую систему права.

Учитывая то обстоятельство, что нормы нравственности, включенные в правовую систему, в полной мере отвечают специфическим характеристикам, присущим нравственности, они, на мой взгляд, в наименьшей степени подвержены противодействию с общими моральными требованиями. Второй выделенной группе норм свойственна противоположная тенденция.

Следующей проблемой, не получившей своего развития и дальнейшего исследования, является, с одной стороны, соотношение норм нравственности и уголовно-процессуальных норм, обладающих различной юридической силой, а, с другой стороны, соотношение нравственного содержания уголовно-процессуальных норм различной юридической силы.

Раскрытие сущности данной проблемы предполагает изучение не только содержания, но и формы права. На указанный аспект исследований процессуалисты до сих пор не обращали своего внимания.

Данный вопрос не изучался и с точки зрения сопоставления нравственного содержания различных форм права. Вместе с тем, следует констатировать, что формы права в теории права разработаны достаточно полно¹.

Форма права – это внешняя форма выражения и закрепления государственной воли. В таком толковании формы права речь идет о нормативно-правовых актах, которые могут быть классифицированы по различным основаниям. Одним из них является юридическая сила актов, указывающая на их место в системе нормативно-правовых актов, а также подчеркивающая их значение – верховенство или подчиненность.

Действующая в настоящее время правовая система получила свое закрепление в Конституции РФ (ст.15) и состоит из Конституции РФ, общепризнанных принципов и норм международного права, международных договоров Российской Федерации, законов, а также различных подзаконных актов.

¹ См., напр.: Комаров С.А. Общая теория государства и права. – М.: Юрайт, 1998. – С.222-226; Общая теория государства и права. – М.: Юрист, 1999. – С.38-39; Теория государства и права / Под ред. В.В. Лазарева. – М.: Юрист, 1996. – С.35-36.

С учетом положения п. «о» ст.71 Конституции РФ, относящего уголовно-процессуальное законодательство к исключительному ведению Российской Федерации, в диссертации исследуются только положения федерального законодательства на предмет их соответствия нравственным требованиям и установкам.

Юридическая сила нормативно-правового акта предполагает его соответствие предъявляемым требованиям, в том числе и таким, как совершенство формы и содержания, а также непрерывность соблюдения положений нормативного акта.

При описании основных отличительных черт, характеризующих право и нравственность, указывалось на то, что только нравственность ориентирует на совершенные воплощения норм. Поэтому, на мой взгляд, юридическая сила любого нормативно-правового акта, в том числе и регулирующего уголовно-процессуальную деятельность, объективно определяет не только место акта в действующей правовой системе, но и указывает на объем нравственного содержания, присущий данному акту.

Полученный вывод подтверждает и тот факт, что специфика российского менталитета детерминирует безусловное соблюдение гражданами только тех законов, которые соответствуют, по их мнению, критерию справедливости¹, а категория «справедливость» относится к числу основных категорий этики. Таким образом, непротиворечивость нормативно-правового акта моральным нормам обуславливает непрерывное исполнение его положений. Следовательно, юридическая сила любого нормативно-правового акта является мерилом его нравственного содержания.

Конституция РФ, обладая высшей юридической силой, выступает нравственным критерием, фиксатором моральных ценностей, охрана которых гарантирована государством.

Еще в начале прошлого века русский теоретик права К.А. Кузнецов указывал на появление новой тенденции в обществе – противопоставление личности обществу, а также обособление личности со своими интересами от сферы общественного бытия². В последующем указанная тенденция получила свое закономерное развитие, что находит свое проявление, прежде всего, в положениях действующего законодательства.

Так, применение предусмотренных процессуальным законодательством мер принуждения существенным образом затрагивает интересы отдельной личности, вовлеченной в сферу уголовно-процессуальных отношений. Поэтому Конституция РФ закрепляет не только основные права и свободы граждан, но и основания, а также

¹ См. подробнее: Николаева О.П. Указ. статья. – С.82-85.

² См. подробнее: Кузнецов К.А. Теория права. Вып. первый. – Одесса: Книгоизд-во А.А. Ивасенко; Тип. Техник, 1918. – С.19-26.

порядок их ограничения субъектами процессуальных отношений (ст. ст. 18, 19, 22, 23, 24, 25 Конституции РФ).

Безусловным достижением развития общества следует признать включение в действующую Конституцию РФ положения, объявляющего принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации частью ее правовой системы (ч.4 ст.15 Конституции РФ). Согласно указанной норме, международные договоры обладают приоритетом только по отношению к правилам, закрепленным во внутренних законах страны. Это означает, что Конституция РФ не только содержит в себе положения, направленные на охрану прав и законных интересов участников уголовного процесса, но и оберегает особенности социо-культурного развития страны, так как содержание нравственности напрямую зависит от политических, экономических, духовных и иных условий функционирования и развития конкретного общества. В этой связи заслуживает внимания мнение опрошенных автором практических работников. Так, 43% респондентов считают, что положения Конституции РФ в большей степени соответствуют нравственным требованиям, чем нормы УПК РФ; 27,8% из них выразили противоположную точку зрения, а 29,2% затруднились ответить.

В специальной литературе нашла свое отражение точка зрения правоведов о несоответствии отдельных положений Конституции РФ мировым стандартам¹. Однако, с учетом вышеизложенного, следует отметить, что необдуманное подчинение внутригосударственной правовой системы международным принципам, нормам и договорам не только не соответствует цели права сформировать социально-целесообразные координаты жизнедеятельности общества, но и является неоправданным с нравственной точки зрения.

Основываясь на анализе отдельных положений таких международно-правовых актов, как Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г., Международный пакт о гражданских и политических правах от 19 декабря 1966 г., Конвенция против пыток и других унижающих человеческое достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г., Европейская конвенция о возмещении ущерба жертвам насильственных преступлений от 24 ноября 1983 г., Свод принципов защиты всех лиц, подвергающихся задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, от 9 декабря 1988 г.², а также некоторых других, можно сформулировать следующие выводы по данному вопросу.

---

¹ См.: Чиркин В.Е. О некоторых проблемах реформы российской Конституции // Государство и право. – 2000. – №6. – С.5.

² Международные акты о правах человека.– М.: НОРМА-ИНФРА М, 1999. – С.39-43, 53-68, 208-216, 226-237, 606-609.

1. Закрепленные в Конституции Российской Федерации принципы, в отличие от некоторых положений международных актов, характеризуются большой точностью формулировок, содержащих основания и условия, при которых допускается ограничение основных законных прав и свобод человека и гражданина. Так, ст.51 Конституции Российской Федерации закрепляет право лица не свидетельствовать против себя, своего супруга или близких родственников. Аналогичное положение, содержащееся в Международном пакте о гражданских и политических правах, является только гарантией от самообвинения: «каждый имеет право... не быть понуждаемым к даче показаний против самого себя» (п.3 ст.14 Пакта). Принцип презумпции невиновности, зафиксированный в ст.49 Конституции Российской Федерации, получил свое юридическое закрепление также и в международных правовых актах (ст.11 Всеобщей декларации прав человека, п.2 ст.6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод¹, ч.2 п. 84 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными от 13 мая 1977 г.², Принцип 36 Свода принципов защиты всех лиц, подвергшихся задержанию или заключению в какой бы то ни было форме). Однако ни одна норма международных актов, регулирующих принцип презумпции невиновности, не содержит указания на момент признания лица виновным, хотя и закрепляет правило о том, что виновность устанавливается в законном порядке путем гласного судебного разбирательства с обеспечением реализации всех возможностей для защиты.

2. Каждый отдельно взятый международно-правовой акт не в состоянии урегулировать, охватить все те положения, который нашли свое закрепление в Конституции РФ. Так, несмотря на то, что в настоящее время действуют акты, направленные на защиту прав лиц, потерпевших в результате совершенного преступления³, их положения предусматривают только саму необходимость компенсации ущерба, а также закрепляют свободный доступ к правосудию в отличие от ст.52 Конституции РФ, которая содержит общий принцип охраны прав потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью.

3. Неопределенность формулировок основополагающих принципов, содержащихся в международно-правовых актах, способствуя, с одной стороны, расширению сферы их применения, с другой стороны, не учитывает специфики развития общества в рамках отдельно взятого

¹ Права человека / Сост. Л.Н. Шестаков. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1990. – С.85-117.

² Международные акты о правах человека.– М.: НОРМА – ИНФРА М, 1999. – С. 190-205.

³ Декларация основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью от 29 ноября 1985 г. // Там же. – С. 165-167.

государства, на что, зачастую, указывается в самих актах. Например, п.2 Предварительных замечаний Минимальных стандартных правил обращения с заключенными от 13 мая 1977 г. указывает на то, что «принимая во внимание разнообразие юридических, социальных, экономических и географических условий, ясно, что не все эти правила можно применять повсеместно и одновременно».

4. Соглашаясь в целом с высказанным в процессуальной литературе мнением о проявлении нравственности субъектов уголовно-процессуальной деятельности не только в соблюдении буквы закона, но и духа права¹, в свете вышеизложенного можно конкретизировать данный тезис в части соблюдения духа внутригосударственного права, а не только стремления к соблюдению общепризнанных принципов и норм.

Формой внешнего закрепления правовых норм, регулирующих уголовно-процессуальную деятельность, до недавнего времени являлся и УПК РСФСР, многие положения которого устарели и не соответствовали конституционным требованиям. Значимость указанного источника уголовно-процессуального права, обуславливает необходимость более подробно остановиться на его нравственной характеристике. В связи с этим большой интерес представляет деятельность Конституционного Суда РФ, направленная на проверку соответствия Конституции РФ отдельных положений уголовно-процессуального законодательства, что, в соответствии со ст. ст.85, 86 Федерального конституционного закона от 24 июня 1994 г. «О Конституционном Суде Российской Федерации»², входит в его компетенцию.

Следует отметить, что в процессуальной литературе уже нашел отражение анализ практики Конституционного Суда РФ, осуществленный в целях раскрытия его роли в «укреплении нравственных основ российского законодательства»³. Однако, учитывая активизацию деятельности суда по проверке конституционности отдельных положений действующего УПК РСФСР, а также принятие нового УПК РФ, данный вопрос приобрел еще большую актуальность.

Проанализировав определения и постановления Конституционного Суда РФ, можно выделить следующие особенности результатов конституционного судопроизводства по формированию нравственных начал уголовно-процессуальной деятельности.

Во-первых, несмотря на признание Конституционным Судом отдельных положений УПК РСФСР не соответствующими Конституции

¹ См.: Белоносов В.О. Конкретизация и аналогия в уголовно-процессуальном праве / В.О. Белоносов, Н.А. Громов, Ю.В. Францифоров // Известия вузов. Правоведение. – 2000. – №2. – С.209.

² Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – №13. – Ст.1447.

³ Москалькова Т.Н. Указ. соч. – С.18.

РФ, они применяются на практике в прежней редакции и по-прежнему воспринимаются в общественном сознании как лишенные нравственного содержания. В частности, это проявляется в неоднократном обращении в Конституционный Суд по одному и тому же вопросу. Так, постановлением Конституционного Суда РФ от 20 апреля 1999 г. № 7-П были признаны не соответствующими Конституции РФ положения УПК РСФСР, возлагающие на суд обязанность по собственной инициативе возвращать уголовное дело прокурору в случае невозможности в судебном заседании неполноты расследования¹. Позднее в Конституционный Суд по аналогичному вопросу обратилась с жалобой гражданка Л.Ю. Берзина, на что было указано в вынесенном судом определении от 3 февраля 2000 г. №9-О².

Однако, несмотря на однозначное мнение Конституционного Суда РФ, высказанное им в вынесенном постановлении, в суд поступает ходатайство Генерального прокурора РФ об официальном разъяснении ранее вынесенного постановления суда. Такое разъяснение было сформулировано в определении Конституционного Суда от 5 июля 2000 г. № 150-О³. Особенность данной ситуации заключается в том, что Генеральный прокурор РФ рассматривает связанную с первоначально вынесенным постановлением деятельность судов общей юрисдикции как влекущую сложности в правоприменительной практике.

Аналогичная ситуация сложилась с решением вопроса о конституционности положения, закрепленного в ст. 97 УПК РСФСР, которое позволяет продлевать предельные сроки содержания лица под стражей в целях реализации им права на ознакомление с материалами уголовного дела⁴.

К сожалению, несмотря на однозначность выводов, излагаемых Конституционным Судом в своих постановлениях, в УПК РФ содержится ряд положений, аналогичных закрепленным в УПК РСФСР и признанным не соответствующими Конституции РФ. В частности, ч.7 ст.109 УПК РФ, допускает возможность продления сроков содержания под стражей в целях

¹ Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 1999. – №4. – С.41-49.

² Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2000. – №3. – С.57-59.

³ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – №33. – Ст.3432.

⁴ См.: По делу о проверке конституционности части пятой статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.В. Щелухина: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 июня 1996 г. – № 14-П // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – №26. – Ст.3185; По делу о проверке конституционности частей четвертой, пятой и шестой статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Г.В. Янчева, В.А. Жеребенкова и М.И. Сапронова: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 декабря 1998 г. – №167-О // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – №1. – Ст. 230.

ознакомления обвиняемого со всеми материалами уголовного дела по окончании расследования. В этой связи представляется нравственно недопустимым рассмотрение принципа законности только в части недопустимости применения положений федерального закона, противоречащих требованиям УПК РФ. Представляется, что данный принцип должен включать в свое содержание и недопустимость применения положений УПК РФ, противоречащих конституционным требованиям.

Во-вторых, некоторые положения УПК РСФСР, признавались Конституционным Судом соответствующими Конституции РФ, но, тем не менее, не рассматривались в качестве таковых гражданами, вовлеченными в сферу уголовно-процессуальных отношений. Это подтверждается, в первую очередь, самим фактом неоднократного обращения в суд с жалобами¹.

В-третьих, компетенция Конституционного Суда РФ по рассмотрению дел о соответствии Конституции РФ нормативных актов государственной власти и договоров к ним в уголовно-процессуальной сфере не распространяется на акты министерств и ведомств, регулирующих указанные вопросы.

Таким образом, основываясь на результатах исследования проблемы соотношения права и нравственности в философском, правовом, социологическом, историческом аспектах, опираясь на собственный анализ положений отдельных источников уголовно-процессуального права, а также постановлений и определений Конституционного Суда Российской Федерации, я пришла к следующим выводам:

1. Соотношение норм уголовно-процессуального права и норм нравственности характеризуется многообразием проявлений – единством, общностью, различием, взаимодействием и противодействием. Однако их следует рассматривать через призму классификации норм нравственности на две группы, каждой из которых свойственны специфические формы соотношения с уголовно-процессуальными нормами.

2. Нормам права в той или иной мере присуще нравственное содержание. Однако объем нравственных характеристик напрямую зависит

---

¹ См. напр.: По делу о проверке конституционности статьи 6 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина О.В. Сушкова: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 октября 1996 г. – № 18-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 1996. – №5. – С.11-14; По жалобе гражданина Паршуткина Виктора Васильевича на нарушение его конституционных прав и свобод пунктом 1 части второй статьи 72 УПК РСФСР и статьями 15 и 16 Положения об адвокатуре РСФСР: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 6 июля 2000 г. – №128-О // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – №33. – Ст.3433.

от места источника уголовно-процессуального права в системе правовых норм.

3. Конституция Российской Федерации, провозглашая примат общепризнанных принципов и норм международного права, в большей степени наделена нравственным содержанием, так как не только закрепляет основополагающие права и свободы граждан, но и учитывает особенности социального, культурного, экономического, политического и территориального развития государства.

4. Учитывая тот факт, что Конституционный Суд РФ проверяет конституционность отдельных положений действующего уголовно-процессуального законодательства и не осуществляет аналогичную оценку ни правоприменительной практики, ни ее результатов, зачастую ему приходится повторно возвращаться к рассмотренным вопросам. Поэтому следует признать большую роль Конституционного Суда РФ в поддержании нравственных начал уголовно-процессуального законодательства, но не в его укреплении. Более того, анализ отдельных положений нового процессуального законодательства, аналогичных ранее действовавшим нормам УПК РСФСР, позволяет прогнозировать неизбежность возвращения Конституционного Суда РФ к рассмотрению многих процессуальных проблем правоприменения, но уже в свете нового УПК РФ.

§3. Нравственная обусловленность соотношения целей и задач уголовного процесса на стадии предварительного расследования

Проблемам оптимального законодательного закрепления задач уголовного процесса в специальной литературе уделялось достаточно пристальное внимание. Детальному анализу подвергались различные аспекты данного объекта научного исследования. Так, изучалась природа уголовно-процессуальных задач и их роль в изменяющейся модели российского уголовного процесса¹, устанавливалось соотношение целей и задач уголовного процесса².

В соответствии с положением ранее действовавшего уголовно-процессуального закона деятельность компетентных органов и их должностных лиц была направлена на достижение задач, закрепленных в ст.2 УПК РСФСР. Однако на каждой стадии судопроизводства

¹ См., напр.: Поляков М. Уголовный процесс: новые задачи в старой упаковке // Российская юстиция. – 1998. – №10. – С.12.

² См., напр.: Володина Л.М. Цели и задачи уголовного процесса // Государство и право. – 1994. – №11. – С.126-132; Назаренко В. Задачи определяют действия // Уголовное право. – 2001. – №2. – С.69-72.

достигаются определенные промежуточные задачи, что в дальнейшем обуславливает эффективность уголовно-процессуальной деятельности в целом. Вместе с тем, УПК РСФСР не содержал задач деятельности субъектов на стадии предварительного расследования. Отсутствует их закрепление и в УПК РФ. Ученые-процессуалисты единодушны в том, что процессуальная деятельность на указанной стадии заключается в собирании, проверке и оценке доказательств о событии преступления, виновности лица, мотивах преступления, об обстоятельствах, влияющих на характер и степень ответственности. Иными словами, она направлена на раскрытие преступлений, установление виновных и привлечение их к уголовной ответственности, на защиту нарушенных преступлением прав и свобод личности, защиту интересов общества и государства, ограждение от неосновательного обвинения и реабилитацию каждого невиновного¹.

В то же время данный вопрос до сих пор не получил своего окончательного разрешения. Более того, исследования носили аспектный характер и не затрагивали проблемы детерминации соотношения целей и задач действующими в обществе нравственными нормами и императивами. Результаты проведенных научных исследований являются зачастую диаметрально противоположными, а в УПК РФ понятие задач уголовного процесса заменено на «назначение уголовного судопроизводства», что также требует дополнительного исследования проблемы. Поэтому в целях наиболее эффективного рассмотрения нравственных начал соотношения целей и задач уголовно-процессуальной деятельности необходимо внести ясность в содержание используемых философских категорий.

Некоторые процессуалисты отождествляют понятия целей и задач уголовного процесса². На мой взгляд, с таким утверждением сложно согласиться. Обратившись к современным словарям, можно увидеть, что цели и задачи – неэквивалентные понятия: цель – это «представляемое и желаемое будущее событие или состояние»³, а задача – «то, что требует исполнения, разрешения»⁴. Соглашаясь в целом с тем, что задача – это ближайшая цель, а цель – более отдаленная задача⁵, на мой взгляд,

¹ См., напр.: Громов Н.А. Указ. соч. – С.232; Советский уголовный процесс. Вып. IV. / Под ред. А.Я. Вышинского. – М.: Юрид. изд-во НКЮ Союза ССР, 1938. – С.4.

² См. подробнее: Баев О. Я. Конфликтные ситуации на предварительном следствии: основы предупреждения и разрешения. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. – С.74; Уголовный процесс. – М.: Зерцало, 1997. – С.14; Элькин П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. – С.29.

³ Философский энциклопедический словарь. ... – С.506.

⁴ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. ... – С.203.

⁵ См. подробнее: Безлепкин Б.Т. Уголовный процесс России. Общая часть и досудебные стадии. – М.: Междунар. ун-т бизнеса и управления, 1998. – С.14.

осуществление задач уголовного процесса следует рассматривать как средство достижения цели всей уголовно-процессуальной деятельности.

Установление истины следует рассматривать как средство достижения цели уголовно-процессуальной деятельности, которой является обеспечение защиты законных прав и интересов личности (ст.6 УПК РФ).

Следует отметить, что в процессуальной литературе проблема нравственной обусловленности целей и задач уголовно-процессуальной деятельности на стадии предварительного расследования преступлений ставится впервые.

Вопрос о том, как соотносятся цели со средствами, которые применяются для их достижения, служил камнем преткновения в течение многих веков. История этической мысли выдвинула два альтернативных ответа на вопрос о соотношении цели и средств, наиболее ярко воплотившихся в концепциях маккиавелизма и, так называемого, абстрактного гуманизма¹. Однако наиболее правильной следует признать позицию, в соответствии с которой цель и средства объективно взаимосвязаны и находятся в состоянии диалектического взаимодействия.

Таким образом, выбор средств достижения цели может быть признан нравственно обоснованным при соблюдении следующих условий:

1. Полное изучение предполагаемых последствий от достижения цели и от использования каждого из имеющихся в распоряжении средств;
2. Прогнозирование возможностей наступления таких последствий при использовании выбранных средств;
3. Соотнесение предполагаемых последствий от избранного средства с последствиями использования других средств или отказа от достижения цели.

В свете вышеизложенного представляется необходимым установить, что является задачами деятельности органов предварительного расследования, каким образом они соотносятся с общей целью защиты интересов личности, общества и государства и насколько такое соотношение соответствует нравственным требованиям. В этой связи Б.С. Волков писал: «Нравственные начала находят свое выражение в определении задач ... законодательства, в построении основных институтов ... права и обуславливает содержание и направление уголовной политики государства и средства ее реализации»².

В течение всего периода развития как отечественной, так и зарубежной науки уголовно-процессуального права проблемам определения и процессуального закрепления истины как результата уголовно-

¹ См. подробнее: Профессиональная этика... – С.132-133.

² Цит. по: Волков Б.С. Нравственные начала в назначении наказания // Известия вузов. Правоведение. – 2000. – №1. – С.121

процессуальной деятельности уделялось достаточно пристальное внимание.

В орбиту научных исследований были включены вопросы сущности истины, ее предмета, критерия, специфики истины как уголовно-процессуального понятия и т.п. Несмотря на большое количество научных изысканий в данной области, многие аспекты проблемы в настоящее время остаются неисследованными, хотя имеют большое как научное, так и практическое значение.

Анализ специальных монографических, а равно учебных и периодических изданий позволяет систематизировать результаты научных исследований в данной сфере.

Используя исторический метод исследования, необходимо констатировать, что проблема истины стояла достаточно остро как в дореволюционный период развития науки уголовно-процессуального права¹, так и в советское время². Не теряет она своей актуальности и в эпоху современности³.

Основываясь на аксиологическом методе научного анализа, следует указать на отсутствие единства мнений среди ученых-процессуалистов по поводу значения истины в уголовном процессе.

Так, многие специалисты рассматривают истину как цель доказывания по уголовным делам⁴. Другие считают, что требование достижения истины является одним из важнейших принципов уголовного процесса⁵. Третья

¹ См., напр.: Викторский С.И. Русский уголовный процесс. – М.: Казенная железнодорожная тип. Моск. узла, 1911. – С.202; Духовской М.В. Русский уголовный процесс. – М.: Склад изд. в книжном складе М.В. Ключкина, 1910. – С.197-201; Михайловский И.В. Основные принципы организации уголовного суда. Уголовно-политическое исследование. – Томск: Паровая типо-лит. П.Н. Макушина, 1905. – С.91; Случевский В. Учебник русского уголовного процесса. Судопроизводство. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1892. – С.133.

² См., напр.: Мотовиловкер Я.О. Установление истины в советском уголовном процессе. – Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 1974; Пашкевич П.Ф. Объективная истина в уголовном судопроизводстве. – М.: Юрид. лит., 1961; Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955.

³ См., напр.: Пашин С. Теория формальных доказательств и здравый смысл // Российская юстиция. – 1996. – №1. – С.52; Пилюк А. Истина или «доказанная достоверность»? // Российская юстиция. – 1999. – №5. – С.43; Шейфер С.А. О понятии и цели доказывания в уголовном процессе // Государство и право. – 1996. – №9. – С.60-67.

⁴ См., напр.: Викторов Б.А. Общие условия предварительного расследования в советском уголовном процессе. – М.: НИИРО, 1971. – С.15; Махов В. О проекте Уголовно-процессуального кодекса РФ // Уголовное право. – 2001. – №2. – С.68

⁵ См., напр.: Ларин А. О принципах уголовного процесса и гарантиях прав личности в проекте УПК – 1997 // Российская юстиция. – 1997. – №9. – С.9-11; Мотовиловкер Я.О. О принципах объективной истины, презумпции невиновности и

концепция заключается в придании требованию достижения истины по делу двойственной природы: выступая в качестве цели доказывания, истина рассматривается одновременно и как принцип уголовного процесса, т.е., по существу, примиряет две предыдущих¹.

Опираясь на гносеологические особенности познания с использованием сравнительного метода научного исследования, можно сделать следующие выводы.

В процессуальной литературе наиболее распространен анализ истины с помощью ее сравнения с отдельными принципами уголовного процесса, такими, как законность, презумпция невиновности, всесторонность, объективность и полнота исследования обстоятельств дела, публичность, состязательность, а также право личности на судебную защиту².

Еще одной спецификой исследования истины является указание на неразрывную связь между целью доказывания и деятельностью суда³ (при этом не раскрывается роль органов предварительного расследования в установлении фактических обстоятельств дела).

Отсутствует единство мнений и в вопросе о предмете или содержании истины в уголовном процессе.

В соответствии с первой точкой зрения истина заключается в правильном установлении фактической стороны дела⁴. Процессуалисты, придерживающиеся иной точки зрения, рассматривают истину не только как соответствие полученных знаний реальной действительности, но и включают в ее содержание юридическую оценку данного деяния⁵. Некоторые ученые – сторонники расширительного толкования предмета истины – наряду с указанными аспектами подразумевают под истиной

состязательности процесса. – Ярославль: ЯрГУ, 1978. – С.24-28; Савицкий В.М. Уголовный процесс: Словарь-справочник / В.М. Савицкий, А.М. Ларин. – М.: КОНТРАКТ ИНФРА-М, 1999. – С.58

¹ См. подробнее: Добровольская Т.Н. Принципы советского уголовного процесса: вопросы теории и практики. – М.: Юрид. лит., 1971. – С.123

² См.: Томин В.Т. Некоторые соображения российского правоведа о реализации Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод в российском уголовном процессе рубежа XXI века // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 2. – Красноярск: Сибирский юрид. ин-т МВД России, 1999. – С.23-36.

³ См., напр.: Васильев Л.М. Нужна ли истина в уголовном процессе и какова роль суда в ее установлении? // Юрист. – 1998. – №5. – С.50-52; Доля Е.А. Соотношение гносеологической и правовой сторон доказывания в российском уголовном процессе // Государство и право. – 1994. – №10. – С.118-128; Шейфер С.А. О понятии и цели доказывания в уголовном процессе // Государство и право. – 1996. – №9. – С.60-67

⁴ См., напр.: Строгович М.С. Указ. соч. – С.64

⁵ См., напр.: Пашкевич П.С. Указ. соч. – С.12; Добровольская Т.Н. Указ. соч. – С.132

правильное назначение уголовного наказания, соответствующего тяжести преступления и личности виновного⁶.

Достигнув единодушия в том, что категория истины в уголовном процессе необходима, процессуалисты не пришли к единому мнению в вопросе о том, какая истина должна быть установлена в уголовном процессе: материальная или формальная, объективная или субъективная, абсолютная или относительная. Так, О.В. Петрова считает, что истина в уголовном процессе по своей природе является объективной. В основу ее понятия может быть положена только классическая концепция истины, которая определяет последнюю как соответствие мысли действительности¹. Более того, некоторые ученые, стараясь подчеркнуть специфику познавательных процессов в ходе осуществления уголовно-процессуальной деятельности, рассматривают истину как судебную, которая означает уверенность (достоверность), что какой-либо факт существует или не существует², а также как юридическую, т.е. опирающуюся на принцип «доказанности обвинения»³.

Анализ специальной литературы позволяет сформулировать выводы.

1. Исследованию подвергались отдельные аспекты истины как уголовно-процессуального института, причем, такие исследования проводились вне связи с ее нравственными характеристиками.

2. Основу научных исследований составляла марксистско-ленинская философия, основывающаяся на принципах гносеологии диалектического материализма, поэтому проблема зачастую приобретала политический оттенок.

3. Анализ истины осуществлялся через призму законодательно закреплённого приоритета государственных и общественных интересов над интересами отдельных граждан, вовлеченных в сферу уголовно-процессуальных отношений⁴.

4. На современном этапе развития науки уголовно-процессуального права ученые-процессуалисты традиционно решают проблему истины в уголовном процессе, не учитывая тех существенных изменений и дополнений, которые были внесены в ранее действовавшее уголовно-процессуальное законодательство в последние годы, а также принятие и введение в действие нового УПК РФ;

⁶ См., напр.: Мотовиловкер Я.О. Установление истины в советском уголовном процессе. – Ярославль: ЯрГУ, 1974. – С.14

¹ См. подробнее: Петрова О.В. Объективная истина и гарантии ее установления в уголовном процессе. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Воронеж, 2000. – С.8.

² См. подробнее: Строгович М.С. Указ. соч. – С.42

³ См.: Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. – СПб.: Юрид. Книжный склад право, 1914. – С.303.

⁴ См., напр.: Тадевосян В.С. К вопросу об установлении материальной истины в советском процессе // Советское государство и право. – 1948. – №6. – С.70-71

5. Изучению подвергалась истина как часть объективной реальности, которая существует «сама по себе», без учета ее ценностного значения.

6. Практически отсутствует анализ роли органов, осуществляющих предварительное расследование, в установлении фактических обстоятельств дела.

Долгое время российский уголовный процесс соответствовал смешанной модели, содержащей в себе отдельные черты как состязательного, так и обвинительного процесса, причем досудебные стадии по-прежнему характеризуются обвинительным уклоном. Все изменения, вносимые в УПК РСФСР, были направлены на сглаживание существующих различий досудебных и судебных стадий. Законодатель пошел по пути нормативного закрепления дополнительных гарантий соблюдения прав и законных интересов участников процесса через установление новых критериев, которым должны соответствовать действия и решения органов и их должностных лиц, наделенных властными функциями в уголовном судопроизводстве. В Конституции РФ нашли свое отражение положения о недопустимости применения пыток, насилия и другого унижающего человеческое достоинство обращения или наказания (ч.2 ст.21), о неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны (ч.1 ст.23, ст.24), о тайне переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ч.2 ст.23), о неприкосновенности жилища (ст.25). В Конституции РФ также закреплены нормы о праве на получение квалифицированной юридической помощи (ст.48), о презумпции невиновности (ст.49), о свидетельском иммунитете и гарантии от самообвинения (ст.51) и др.

Положения, направленные на обеспечение законных интересов личности в уголовном судопроизводстве, нашли свое закрепление и в иных нормативных актах.

С принятием Закона РФ от 16 июля 1993 г. «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях»¹ ст. 69 УПК РСФСР была дополнена частью третьей, содержащей правило о недопустимости доказательств, полученных с нарушением закона.

В отличие от Закона РФ от 2 июля 1992 г. «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации», Закон РСФСР «О государственной налоговой службе РСФСР», Уголовный кодекс РСФСР и

---

¹ Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1993. – №33. – Ст.1314.

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР»², изменилось содержание федерального закона от 12 августа 1995 г. «Об оперативно-розыскной деятельности»³. В настоящее время его положения исключают возможность использования результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств по уголовным делам (ст.11).

Данную тенденцию следует признать нравственно оправданной. Если государство монополизирует и институционализирует возможность применения к лицам принуждения, то оно должно предоставить им дополнительные гарантии законности их применения. Однако с принятием Федерального закона от 20 марта 2001 г. УПК РСФСР был дополнен ст.174¹, в соответствии с которой результаты контроля и записи переговоров приобретают доказательственное значение. Таким образом, снижается уровень нормативных гарантий законного и обоснованного ограничения конституционных прав граждан.

В соответствии с Конституцией РФ смысл, содержание и применение закона определяются правами и свободами человека и гражданина (ст.18), что означает «верховенство этих прав и свобод в правовой системе государства.... Смысл и содержание законов, их применение выверяются тем, насколько они соответствуют обеспечению прав и свобод человека и гражданина»¹. В свете указанного положения, нашедшего свое закрепление в действующей Конституции РФ, вполне закономерными являются изменения во взглядах на природу и сущность уголовного процесса в целом, а также на деятельность органов предварительного расследования и ее результаты. Так, в процессуальной литературе все больше внимания уделяется вопросам охраны тайн², частной жизни граждан³, свидетельского иммунитета⁴, презумпции невиновности⁵ и другим проблемам, непосредственно касающимся защиты частных интересов в уголовном

² Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 33. – Ст. 1912.

³ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.

¹ Конституция Российской Федерации: Комментарий. – М.: Юрид. лит., 1994. – С.127.

² См. подробнее: Петрухин И.Л. Личные тайны (человек и власть). – М.: Ин-т гос. и права Российской академии наук, 1998; Смолькова И.В. Проблемы охраняемой законом тайны в уголовном процессе. – М.: Луч, 1999.

³ См., напр.: Иванский В.П. Правовая защита информация о частной жизни граждан. Опыт современного правового регулирования. – М.: Изд-во РУДН, 1999.;

⁴ См., напр.: Руднев В. Иммунитеты в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. – 1996. – №8. – С.28-29.

⁵ См., напр.: Ефимичев П. Презумпция невиновности: дискуссия продолжается // Уголовное право. – 1999. – С.48-54.; Туманов В. Презумпция невиновности // Российская юстиция. – 2000. – №8. – С.52.

процессе. Иными словами, акценты смещаются в сторону обязательного гарантированного обеспечения прав и законных интересов личности⁶.

Вместе с тем, принятый 18 декабря 2001 года УПК РФ в некоторой степени изменил процесс дальнейшего совершенствования процессуального законодательства. В частности, в новом Кодексе четко обозначено различие между досудебными и судебными производствами: закрепленный в ст.15 принцип состязательности сторон действует только на судебных стадиях процесса. При этом органы предварительного расследования отнесены к участникам, выступающим со стороны обвинения (глава 6 УПК РФ), а положение о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела (ст.20 УПК РСФСР) заменено возложением обязанности на прокурора, следователя и дознавателя по осуществлению уголовного преследования по делам публичного и частно-публичного обвинения. Более того, как будет показано далее, возможность реализации участниками судопроизводства, выступающими со стороны защиты, своих прав зачастую зависит от усмотрения стороны обвинения.

На мой взгляд, на данном этапе развития общества и государства требование установления материальной абсолютной истины факта по каждому уголовному делу (в классическом ее понимании) не соответствует нравственным критериям, т.к. может привести к применению средств, существенно нарушающих интересы отдельных лиц, которые будут принесены в жертву публичным интересам. При опросе практических работников абсолютное большинство – 82,5% указали на невозможность установления истины по каждому уголовному делу. При этом 14,3% из них дали ответ в отрицательной категорической форме. Интересно, что некоторые следственные работники прямо подчеркнули, что объективная истина – это более философское понятие, чем правовое, следовательно, с точки зрения философии в рамках уголовного дела объективную истину установить нельзя, так как она всегда будет иметь субъективный, формальный характер.

Вместе с тем, абсолютный отказ от истины также нравственно недопустим, так как лишит уголовно-процессуальную деятельность ее этического смысла и содержания. По сути, силовые механизмы процессуальной деятельности стали бы неуправляемыми.

Ученые-процессуалисты неоднократно указывали на специфику процессуальных средств, направленных на установление истины, их

---

⁶ См., напр.: Каламкьян Р.А. Юридические гарантии прав личности в Российской Федерации // Государство и право. – 2000. – №11. – С.95-107; Куцова Э.Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972.; Морщакова Т. Совершенствование юридических гарантий прав человека // Государство и право. – 1994. – №10. – С.13-23.

законодательное закрепление и ограниченность рамками действующего законодательства, а также на особенности содержания истины в уголовном процессе. Как уже подчеркивалось, в процессуальной литературе не оценивалась роль предварительного расследования в установлении истины. Однако такой взгляд лишает результаты соответствующей деятельности не только их этического, но и процессуального значения, а также приводит к нарушению принципа законности.

Исходя из такой посылки, по каждому уголовному делу, прекращенному производством по реабилитирующим основаниям, либо окончено рассмотрением вынесением оправдательного приговора¹, органами предварительного расследования преступлений не была установлена истина по делу. Однако при этом необходимо учитывать следующее:

1. В соответствии с ч.1 ст.200 УПК РСФСР, предварительное расследование заканчивалось составлением обвинительного заключения, если собранных доказательств достаточно для этого. Указанное положение означало, что уголовно-процессуальный закон использовал оценочное понятие достаточности вне связи с фактическими обстоятельствами дела, на основании которых возможно установление истины по делу. УПК РФ не изменил принципиально данной формулировки, дополнив ее указанием не только на достаточность собранных доказательств, но и на проведение всех следственных действий (ч.1 ст.215).

5. В описательной части обвинительного заключения, согласно нормам УПК РСФСР, излагались доказательства, которые подтверждали наличие преступления и виновность лица (ч.1 ст.205 УПК РСФСР). Перечень источников доказательств являлся исчерпывающим (ч.2 ст.69 УПК РСФСР), т.е. информация, имеющая значение для дела и соответствующая объективной действительности, но полученная из иных источников, не нашедших своего закрепления в процессуальном законе, не обладала юридической силой. Ограниченные возможности органов предварительного расследования по установлению объективной истины были обусловлены также (достаточно обоснованно) положением ч.3 ст.69 УПК РСФСР, в соответствии с которым недопустимые доказательства не могли быть положены в основу обвинения. Иными словами, при оценке допустимости доказательств решающее значение имели вопросы формы доказательств, а не соответствия их объективной реальности. Новый процессуальный закон расширяет перечень актов, вынесением которых завершается стадия предварительного расследования преступлений путем включения в него наряду с обвинительным заключением (ст.220)

---

¹ В первом полугодии 2000 года по указанным основаниям дела прекращены в отношении 1413 человек // Российская юстиция. – 2000. – №12. – С.54.

обвинительного акта (ст.225). Однако в этих процессуальных документах должны быть указаны доказательства, подтверждающие обвинение.

3. В установленных законом случаях требуется получение судебного разрешения на производство отдельных процессуальных и оперативно-розыскных мероприятий. В этой связи В.В. Николук, анализируя основные вопросы применения положений нового УПК РФ, справедливо указывает, что судебный порядок избрания отдельных мер пресечения, производства установленных в законе следственных действий будет способствовать повышению уровня обеспеченности прав личности в уголовном процессе¹. Анализ результатов деятельности судебных органов позволяет прийти к выводам об уменьшении активности судов по выдаче судебных разрешений. Так, на 8,4% сократилось количество выданных санкций на проведение оперативно-розыскных мероприятий, связанных с нарушением тайны сообщений (с 3414 до 3128), на 62% снизилось число выданных судами разрешений, связанных с нарушением неприкосновенности жилища (с 2554 до 970 случаев)². Таким образом, органы предварительного расследования могут положить в основу обвинительного заключения лишь те доказательства, которые по действующему процессуальному законодательству являются таковыми и соответствуют признаку допустимости (в том числе и при получении соответствующего разрешения судебных органов, которые крайне редко санкционируют в установленном законом порядке ограничение конституционных прав граждан).

В новом процессуальном законе данное положение выразилось в расширении функций судебного контроля за деятельностью органов предварительного расследования. В частности, в соответствии со ст.10 Федерального закона РФ от 18 декабря 2001 года «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»³ с установленного законом срока судам передаются такие полномочия, как применение мер пресечения в виде заключения под стражу и домашнего ареста, продление срока содержания под стражей, производство следственных действий в жилище, наложение ареста на корреспонденцию и выемка ее в учреждениях связи и некоторые другие. Следовательно, при решении всех указанных вопросов следователю необходимо будет обращаться за судебным разрешением в порядке, установленном законом.

¹ См. подробнее: Николук В.В. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: общая характеристика, проблемы практического применения // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе: Сб. матер. междунар. науч.-практ. конф. Часть.1. – Красноярск: Сибирский юрид. ин-т МВД России, 2002. – С.10-11.

² Российская юстиция. – 2000. – №12. – С.57.

³ Российская газета. – 2001. – 22 дек.

4. Одной из форм окончания предварительного расследования преступлений являлось вынесение постановления о прекращении дела (ст.199 УПК РСФСР) как по реабилитирующим, так и нереабилитирующим основаниям (п.3,4 ст.5, ст.ст.6, 7, 9 УПК РСФСР и др.). В постановлении о прекращении дела указывалась сущность дела и основания прекращения (ч.1 ст.209 УПК РСФСР), т.е. те сведения, которые отражены в материалах уголовного дела и могут быть положены в основу мотивировки прекращения уголовного дела, а в материалах уголовного дела содержатся фактические обстоятельства, полученные в порядке, сроки и в условиях, предусмотренных положениями действующего законодательства. Иная информация объективного характера не может быть использована органами предварительного расследования при прекращении производства по делу. Следовательно, УПК РФ не вносит существенных изменений в институт прекращения уголовных дел (ст.ст.24-28). Однако в новом Кодексе законодатель предусмотрел необходимость указания в постановлении о прекращении уголовного дела обстоятельств, послуживших поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, а также результатов предварительного следствия (п.3,5 ч.2 ст.213 УПК РФ). Иными словами, мотивировка возможности прекращения производства по делу должна быть основана на поводах и основаниях его возбуждения, которые устанавливаются еще на первоначальной стадии уголовного процесса, а также на результатах, которые могут быть выражены в анализе собранных по данному делу доказательств.

5. На стадии назначения судебного заседания, а также в ходе судебного разбирательства участвующие в деле лица имели право заявлять ходатайства о вызове дополнительных свидетелей и истребовании новых доказательств (ч.1 ст.223, ч.1 ст. 276 УПК РСФСР), причем, во время рассмотрения материалов уголовного дела суд мог самостоятельно по собственной инициативе независимо от наличия ходатайств вынести определение (постановление) о вызове дополнительных свидетелей, истребовании других доказательств (ч.5 ст.276 УПК РСФСР), а равно отказать в удовлетворении заявленных ходатайств (ч.2 ст.276 УПК РСФСР). Таким образом, объем доказательственного материала мог быть изменен на любой стадии процессуальной деятельности по усмотрению должностных лиц, наделенных властными функциями в процессе. Возможность изменения объема доказательственной базы сохранена и в нормах, закрепленных в УПК РФ. Так, в ст.234 УПК РФ указывается на право сторон заявлять ходатайства о допросе лиц в качестве свидетелей, об истребовании дополнительных доказательств или предметов, а также об исключении доказательств. При этом, суд обязан рассмотреть каждое ходатайство, которое было заявлено (ч.2 ст.271).

6. В соответствии с положениями УПК РСФСР суд не мог возвращать дело для производства дополнительного расследования в случае невосполнимой в судебном заседании неполноты проведенного расследования¹, а также в случае признания доказательств, полученных органами предварительного расследования с нарушением уголовно-процессуального закона, не имеющими юридической силы, если такое признание влечет невосполнимую в судебном заседании неполноту проведенного расследования¹. Таким образом, уголовно-процессуальное законодательство ограничивало компетенцию суда по устранению недостатков, допущенных в ходе предварительного расследования преступлений и еще больше формализует процесс.

Необходимо отметить, что ст.237 УПК РФ предоставляет возможность судье вернуть материалы уголовного дела прокурору, однако это допустимо лишь по основаниям, указанным в законе: нарушение требования составления обвинительного заключения или обвинительного акта, неполучение обвиняемым копии заключения или акта, а также наличие необходимости составления указанных процессуальных документов по уголовному делу, переданному в суд с постановлением о применении принудительных мер медицинского характера. Анализ перечисленных оснований позволяет утверждать, что реализация предоставленной судье компетенции по возвращению уголовных дел прокурору направлена на устранение недостатков формы процессуальной деятельности и порядка ее надлежащего оформления, т.е. формальные элементы не только сохраняются, но и получают свое дальнейшее развитие в УПК РФ.

7. Функционирование в настоящее время суда присяжных следует признать нравственным, так как позволяет учитывать не только положения действующего законодательства при вынесении вердикта, но и нормы морали, характерные для современного общества, что получило положительную оценку ученых-процессуалистов². При рассмотрении дела

---

¹ По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой статьи 232, части четвертой статьи 248 и части первой статьи 258 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда города Нижний Новгород: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 апреля 1999 г. – № 7-П // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 17. – Ст. 2205.

¹ По жалобе гражданки Берзиной Людмилы Юрьевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 части первой статьи 232 УПК РСФСР: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 3 февраля 2000 г. – № 9-О // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 13. – Ст. 1428.

² См., напр.: Мельник В. Совесть – нравственная основа суда присяжных // Российская юстиция. – 1996. – №2. – С.7-9; Мельник С. Нравственные основы искусства защиты

с участием присяжных заседателей основное внимание уделяется соблюдению прав и свобод участников уголовного судопроизводства. Деятельность компетентных органов и их должностных лиц на стадии предварительного расследования также должна гарантировать реализацию конституционных прав граждан. Вместе с тем, поставив перед органами предварительного расследования указанную цель, закрепив в законе основные гарантии соблюдения прав граждан, законодатель не изменил процессуальный статус следователя, не восполнил пробелы законодательства, которые существенно влияют на природу и результаты процессуальных действий, а также детерминируют выбор соответствующих способов получения доказательств¹.

Ограничение процессуальной самостоятельности следователя, расширение властных полномочий судебных органов в рамках судебного контроля за досудебным производством в новом УПК РФ противопоставлено принципу свободы оценки доказательств, согласно которому перечисленные в законе лица оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, руководствуясь при этом законом и совестью (ч.1 ст.17).

8. УПК РФ пошел по пути постепенного признания института сделок о признании вины путем законодательного закрепления сокращенного судебного следствия (Глава 40 УПК РФ). Вынесенный в сокращенном порядке приговор не подлежит дальнейшему обжалованию по основанию несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам дела.

В свете вышеизложенного представляется дискуссионной высказанная в юридической литературе точка зрения о несоответствии «здравому смыслу» отказа от истины в процессуальном законе: «значит, ставится... иная цель, отличная от объективной истины. Проложен путь субъективизму, ... целесообразности, формализованному судопроизводству, формальной истине»². Некоторые процессуалисты совершенно обоснованно отмечают достаточно большую роль формальных

и обвинения // Российская юстиция. – 1996. – №3. – С.6-8; №4. – С.8-10; №6. – С.13-15.

¹ О современных проблемах досудебного производства см. подробнее: Колобов Г. Нужна ясная уголовная политики // Законность. – 2000. – №3. – С.6-7; Милова М. Участие адвоката в следственных действиях // Российская юстиция. – 1996. – №11. – С.45-46; Нащекин Е. Свидетель или подозреваемый? // Законность. – 1996. – №2. – С.47-48; Темираев О. Процессуальная самостоятельность следователя // Законность. – 2000. – №4. – С.28-29; Ткаченко Л. Грустные мысли о следствии // Законность. – 1998. – №5. – С.20-23; Ширинский С. Насилие при допросах – реальная угроза правосудию // Российская юстиция. – 1997. – №12. – С.38

² Печников Г. Система «здорового юридического смысла» // Российская юстиция. – 1998. – №3. – С.11.

моментов в уголовно-процессуальной деятельности, и игнорировать это – значит «закрывать глаза на действительное положение дел»³.

Проблема заключается в сущности непрекращающихся споров о категории истины в уголовном процессе. В основе лежит классическая концепция истины как адекватного отражения объективной реальности познающим субъектом (соответствия реальности представлениям о ней). Опираясь на выводы философов, придерживающихся данной концепции, процессуалисты упускают из вида те проблемы, которые возникают при более глубоком ее изучении. Так, истина не может быть познана без уяснения самого соответствия, но такое знание с закономерностью стало бы суждением. Вместе с тем, истина рассматривается как отождествление с суждением самого предмета суждения. Объективно происходит отождествление одного суждения с другим. Высшим критерием истины по-прежнему остается объективное бытие.

В свое время русский процессуалист Н. Розин писал, что «уголовный процесс не может стремиться к достижению материальной истины»¹. Аналогичной точки зрения придерживался И. Щегловитов².

Более того, исходя из посылок ценностного мышления, философы совершенно обоснованно указывают на невозможность установления истинности и ложности ценностных суждений, особенно, если речь идет об оценках - предпочтениях³.

В этой связи следует согласиться с мнением Н.Г. Стойко, считающим, что «вопросы, формулируемые относительно уголовного процесса, вытекают из тех концепций, которыми мы осознанно или неосознанно пользуемся для его восприятия, поэтому, применяя различные теоретические подходы и методы объяснения, можно прийти к разным результатам»⁴. Иными словами, центральной проблемой в уголовном судопроизводстве, а также в социальной и правовой действительности в целом, является проблема интерпретаций, т.к. с их помощью реализуется попытка дать объяснения конкретных интересов⁵.

³ Орлов Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе. – М.: Проспект, 2000. – С.9.

¹ Розин Н. Указ. соч. – С.17-18.

² См. подробнее: Щегловитов И. Прекращение уголовного преследования // Журнал гражданского и уголовного права. – 1887. – Дек. – Кн. 10. – С.38.

³ См. подробнее: Алексеев П.В. Философия. / П.В. Алексеев, А.В. Панин. – М.: Проспект, 1997. – С.290-292; Манджян К.Х. Введение в социальную философию. – М.: Высш. шк., КД Университет, 1997. – С.40-49.

⁴ Цит. по: Стойко Н.Г. Социально-теоретические подходы к пониманию уголовного процесса // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе: Сб. матер. междунар. науч.-практ. конф. Часть.2. – Красноярск: Сибирский юрид. ин-т МВД России, 2002. – С.90.

⁵ См.: Там же.

С учетом имеющейся специфики уголовно-процессуальной деятельности, а также ее результатов, в основу как теоретических исследований, так и практической процессуальной деятельности следует положить неопозитивистскую концепцию когерентной истины (от лат. *cohaerens* – срастаться, тесно соединяться). Знание истинно, если оно представляет самосогласованную систему⁶. Указанная точка зрения полностью подтверждается результатами анализа правоприменительной практики. Например, в обвинительном заключении органа дознания, составленного по уголовному делу №1-2542-00, указано: «Принимая во внимание **всю совокупность доказательств**, дознание считает, что вина Л.Г. в совершении общественно-опасного деяния доказана полностью и с достаточной достоверностью, а **приведенные доказательства** полны, последовательные и **не имеют противоречий**» (выделение мое – И.С.). Аналогичные формулировки используются и судом при рассмотрении дела по существу. Так, составляя приговор по делу № 1-16-60-97 суд подчеркнул, что «находит вину подсудимого полностью доказанной, **исследовав собранные доказательства в их совокупности**» (выделено мной И.С.).

Органы дознания и предварительного следствия выполняют основную роль в осуществлении деятельности, главной задачей которой является установление истины по делу¹. Принципы уголовного процесса, закрепленные в Конституции РФ, а также в отраслевом процессуальном законодательстве, будут выступать в качестве гарантий того, что решение данной задачи будет направлено на достижение цели уголовного судопроизводства – охрану прав и законных интересов человека и гражданина. Только в этом случае уголовный процесс (в том числе и на стадии предварительного расследования) будет соответствовать нравственным требованиям, в частности, требованию справедливости.

Именно категория справедливости служит основой следственной деятельности, которая может быть определена как моральное сознание соразмерности между деянием и воздаянием, правами и обязанностями, вкладом и получением, целью и средствами ее достижения; как принцип «за большее - большее, за меньшее - меньшее».

Многие мыслители, начиная с Аристотеля, рассматривали справедливость как социальную добродетель². Современный социальный

⁶ См. подробнее: Философия. Основные проблемы философии. Часть II. / Под ред. В.И. Кириллова. – М.: Юристъ, 1997. – С. 67.

¹ Действительно, из 207 исследованных материалов уголовных дел, лишь 11,6% случаев при вынесении судом приговора была изменена первоначальная квалификация, данная органами расследования.

² Аристотель *Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории*. – Мн.: Литература, 1998. – С.145-276.

философ Дж. Роулс, сравнивает справедливость с истиной: «как истина является главной добродетелью мысли, так справедливость - первая добродетель общественных институтов»³. Таким образом, через всю историю философии проходит мысль, что справедливость - это то, что содействует общему благу.

Справедливость как истина является нравственной задачей уголовного процесса, поскольку весь механизм процессуального доказывания и обеспечения функций предварительного расследования направлен на достижение равновесия между деянием и воздаянием, в конечном счете, на обеспечение адекватности уголовной репрессии.

Однако установить соответствие цели и средства недостаточно для удовлетворения уголовно-процессуальной деятельности основным моральным требованиям. Нормы нравственности предполагают обязательное законодательное закрепление механизмов реализации прав и интересов граждан, что возможно только при наличии достаточных гарантий, которые могут быть обеспечены, во-первых, соответствующими обязанностями компетентных органов и их должностных лиц, во-вторых, санкциями за их невыполнение или ненадлежащее выполнение, в-третьих, должной системой контроля и надзора, т.е. правилом распределения компетенции по принятию решений между различными субъектами уголовного процесса.

Анализ уголовно-процессуального законодательства позволяет сформулировать определенные выводы:

Во-первых, следователь, как процессуально самостоятельный субъект, обладает достаточно широкими полномочиями, в том числе и по обжалованию указаний прокурора, обязательных к исполнению. Компетенция органа дознания в данной сфере более ограничена (п.3 ч.2 ст. 120, ч.2 ст.127 УПК РСФСР), что сохранено и в УПК РФ (ч.4 ст.41, ч.3 ст.225).

Несмотря на единство задач, закон наделяет органы предварительного следствия и дознания различными средствами их достижения. В целях наиболее оптимального функционирования системы сдержек и противовесов необходимо привести в соответствие компетенцию органов дознания с полномочиями органов предварительного следствия.

Во-вторых, при рассмотрении нравственных начал деятельности органов предварительного расследования, зачастую основное внимание уделяется реализации справедливости в отношении лиц, имеющих в деле самостоятельный правовой интерес¹. Однако, осуществляя свои

---

³ Роулс Дж. Справедливость как честность // Вопросы философии. – 1994. – № 10. – С.35-52.

¹ См., например: Москалькова Т.Н. Нравственные основы уголовного процесса (стадия предварительного расследования). Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1997. –

полномочия, государственные органы реализуют единые задачи, на достижение которых направлена процессуальная деятельность на стадии предварительного расследования преступлений. Ответственность, наступающая за негативные последствия такой деятельности, является непропорциональной. В соответствии с положением ч.1 ст.133 УПК РФ ущерб возмещается в случае его причинения органами предварительного расследования независимо от вины указанных субъектов. Думается, что вопрос об ответственности лиц за их незаконные действия должен решаться в зависимости от наличия субъективной характеристики противоправных действий.

В-третьих, в целях обеспечения реализации нравственных требований необходимо включить в процессуальное законодательство положения об обязательном отображении компетентным должностным лицом подписки от всех участвующих в деле лиц (за исключением подозреваемого, обвиняемого и их защитника) о неразглашении данных предварительного расследования, а также о привлечении к ответственности за их разглашение. К сожалению, отдельные нормы УПК РФ, регулирующие институт тайны расследования, не носят императивного характера и, следовательно, не могут в должной мере разрешить указанную проблему, поэтому в целях реализации данных требований необходимо:

- определить, какие данные образуют тайну предварительного расследования;
- обязать лицо, осуществляющее производство по делу, разъяснять всем участникам процесса соответствующие обязанности и предупреждать о возможности наступления негативных последствий в случае их ненадлежащего поведения.

В-четвертых, следует указать на недостаточную обоснованность предложения об усложнении системы контроля над процессуальной деятельностью на стадии предварительного расследования. Так, в соответствии с положениями УПК РФ, предлагается модель усиленного контроля. В частности, разрешение на производство следственных действий, производимых в жилом помещении, должно выдаваться судом, ходатайство перед которым будет возбуждаться следователем с согласия прокурора (ст.165). При этом УПК РФ сохраняет требование о соответствии доказательства критерию допустимости: «Доказательства, полученные с нарушением требований настоящего кодекса, являются недопустимыми. Недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения» (ч.1 ст. 75). Иными словами, процесс становится еще более формализованным. Такой подход к сущности деятельности по предварительному расследованию

преступлений, с одной стороны, направлен на усиление гарантий соблюдения конституционных прав и интересов личности, с другой стороны, своей сложностью может воспрепятствовать достижению поставленной цели. Видимо, исходя из указанных особенностей, в УПК РФ не упоминается категория истины.

Таким образом, на стадии предварительного расследования нравственно одобряемым и обоснованным является такое соотношение целей и задач уголовно-процессуальной деятельности, при котором:

- 1) органы предварительного расследования, собирая доказательства как подтверждающие, так и опровергающие вину лица в совершенном преступлении, устанавливают не материальную, а когерентную истину, заключающуюся в формировании непротиворечивой доказательственной базы;
- 2) бесспорными компонентами, образующими предмет истины, будут выступать установление фактических обстоятельств дела, а также правильная юридическая оценка совершенного общественно-опасного деяния. Что касается правильного назначения уголовного наказания, соответствующего тяжести преступления и личности виновного, то, на мой взгляд, оно не входит в содержание истины, так как не учитывает случаев прекращения производства по делу на досудебных стадиях процесса. В результате предмет истины становится величиной переменной, зависящей от дальнейшего направления дела;
- 3) приоритет должен быть отдан не установлению по делу материальной абсолютной истины факта, а охране законных прав и интересов отдельных граждан, а также юридических лиц, которые могут существенно пострадать при их вовлечении в орбиту уголовно-процессуальной деятельности;
- 4) в системе гарантий установления наиболее оптимального соотношения целей и задач на стадии предварительного расследования основное внимание должно быть отдано оптимальному распределению компетенции и ответственности между органами, осуществляющими расследование преступлений, надзирающими за исполнением закона в ходе производства по делу, а также судебными органами.